

КОНСТАНТИН ШИЛЬДКРЕТ

РОЗМЫСЛ

ЦАРЯ ИОАННА

ГРОЗНОГО

Россия державная

Константин Шильдкрет

Розмысл царя Иоанна Грозного

«Public Domain»

1928

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

Шильдкрет К. Г.

Розмысл царя Иоанна Грозного / К. Г. Шильдкрет — «Public Domain», 1928 — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03615-6

Шильдкрет Константин Георгиевич (1896–1965) – русский советский писатель. Печатался с 1922 года. В 20-х – первой половине 30-х годов написал много повестей и романов, в основном на историческую тему. В данном томе представлен роман «Розмысл царя Иоанна Грозного» (1928), повествующий о трудном и сложном периоде истории нашей страны – времени царствования Ивана IV, прозванного впоследствии Грозным.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03615-6

© Шильдкрет К. Г., 1928
© Public Domain, 1928

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	40
Глава восьмая	46
Глава девятая	51
Глава десятая	56
Глава одиннадцатая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Константин Георгиевич Шильдкрет

Розмысл царя Иоанна Грозного

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

Часть первая

Глава первая

Точно у вздернутых на дыбы людишек, скрипели старые кости леса. Ледяными слезинками стыл на помертвельных сучьях подтаявший было за день снег.

Скулили северы.

Васька поплотнее запахнул епанчу и в раздумье остановился.

– Ишь, хлещет, склевали бы тебя вороны! – выругался он, отворачиваясь от лютого порыва ветра, запорошившего глаза пригоршней снежной жижи. – Токмо бы ему потехами тешиться!

Какая-то тоска, так часто наседавшая в последние дни, уже закрадывалась в сердце Васьки, вызывая тупую боль и раздражение.

– Кат его ведает, коликой дороги держаться!

Он хмуро оглядел лес и прищипывая сплюнул.

Зимой, в северы, Ваське было все равно, куда идти. Зимой и лес, и дороги, и жилье человеческое на один лад обряжены: куда ни кинься – опричь волчьей песни да хороводов и плясок, что ведут непрестанно под вой метели лешие с беспутными ведьмами, – ничего не услышишь. А и хороводы те только поначалу как будто пугают крещеную душу. Обживешься же в берлоге медвежьей, попривыкнешь к метельному говору – и ничего. Свой не свой, а чувствуешь в тех песнях и говоре, прости господи, нечестивые думки, такую же сиротскую жалобу, какую от мала одинокий человек в груди своей носит. Видно, не зря земля разметала от края до края седые космы свои и, точно мертвая, застыла в неумной кручине. Нет уж, как ни вертись, а ей, старенькой, все, что выносила она в чреве своем, – родное дитя!

И в долгие месяцы стужи шел беззаботно Васька по дремучим трущобам; жил, где придется и чем попотчует лес; одинокой белой тенью скользил по занесенным дорогам вдоль городов и затерянных деревушек, теряя счет дням-близнецам.

Еще когда он покинул родимый погост, кукушка-вотунья, как и допрежь, в детскую пору, посулила ему многое множество годов впереди. Но от такого посула была ли Ваське корысть? Все едино: колико не прикидывай к ноше, легко болтающейся покуда за спиной двадцатью с небольшим годами, новых дней и недель, а не дойти до той межи, где зарыта доля холопья.

Кого другого, а Ваську не проведешь присказками бабьими о доле счастливой.

Зря болтают людишки: не бывало доли той отродясь на земле и не будет.

Так все чаще царапалось в усталом сердце бродяги и нарушало покой.

Распахнулась Васькина епанча. За усталю и думками темными, навеянными не видимыми еще, но уже близкими весенними вестниками, не чувствует он, как лехтают¹ больно сучья его голую грудь. Из-под высокой бараньей шапки, опущенной желтыми волдырями облезшего лисьего меха, выбилась прядь, цвета спелой пшеницы, волос.

Васька то и дело жмурится и раздраженно встряхивает головой. А ветру и любо потешиться: еще глубже запускает он студень палыцы свои за шапку, норовит добраться до самой макушки, и другой лапой шарит уже, повизгивая задорно, по жилистой, широкой спине.

– Охальник! – плюется бродяга, не зло грозит в гуливую мглу кулаком и идет к едва видной прогалине.

Позади, где-то тут, рядышком, кажется, лязгнул кто-то зубами.

¹ Л е х т а ю т – щекочут.

Васька насторожился и, уловив слабый вой голодного волка, взялся было за оскорд, но тут же раздумал и пошел дальше своей дорогой.

Уже за полночь выбрался он на опушку. Свернув в сторону от жилья, облюбовал поглубже байрак и устроился на ночлег.

Под снегом было тепло и уютно. Приятно покалывало лицо и ноги. На глаза ложилась баюкающая истома.

Ощупав оскорд, бродяга прижал его к себе.

«Тебя что не станет, оскорд мой, – что руку мою отшибут. Иль бывает тако, чтобы рубленнику срубы рубить без оскорда?»

И, нахлобучив на глаза шапку, притих.

Его разбудили частые удары, доносившиеся откуда-то из-за реки.

«Никак оскорды загомонили? – приподнялся на локте Васька. – Так и есть – рубленники», – оживленно подтвердил он свою догадку и решительно пошел на стук.

За рекой, при свете факелов, копошились у бревен и недостроенных срубов людишки.

Васька подкрался к крайней избенке.

Рубленники заметили его и выжидающе остановились.

– Спаси бог хозяев добрых!

– Дай бог здоровья гостю желанному!

Согнутый старик придвинулся к гостю вплотную.

– Ежели с добром – покажи милость, подмогни людишкам работным, а ежели, – он добродушно хихикнул, – таловень² – не обессудь: опричь блох, все добро у ветра да в тучках небесных хороним.

Рубленники весело, точно по уговору, присвистнули.

Достав из-за спины оскорд, бродяга поплевал на ладонь.

– Сказывайте, хозяева, чего робить.

– Да откель тебя ветром в наш починок³ снесло?

– Оттель же, где тому ветру положено подле добра вашего с дозором держать помело!

– Ишь ты, балагур какой выискался! – довольно причмокнул старик и строго насупился. – А и поболтали, да за робь не срок ли нам вышел?

Ловко помахивая оскордом, Васька увлеченно пригонял бревно к бревну и сколачивал низенький сруб.

Перед рассветом старик осмотрел деловито работу и, перекрестясь, разрешил рубленникам идти в избу отдохнуть.

В клетки пахло овчиной, сосной и едким потом. Жадно закусывая чесноком и пустой похлебкой, гость любовно поглядывал на окружающих и скалил тупые крепкие зубы в блаженной улыбке.

– Прямо тебе не то из лесу, не то из темницы, – перешептывались сочувственно рубленники. – Словно сорок сороков годов людей не видывал.

– Да, почитай, и не менее, – поддакнул Васька, уловив шепот.

Он вдруг поднялся и развел удивленно руками.

– Пошто тако бывает? Покель северы дуют – ништо тебе. И волк лютый – брат, и дубрава – изба родимая. А колико подует весной, осеренеет⁴ колико самую малость, тужить человек зачинает.

Глубокий вздох вырвался из его груди, и синим теплом засветились большие, задумчивые глаза.

² Таловень – вор.

³ Починок – новая деревня.

⁴ Осеренеет – потеплеет.

– Тако тужить zaczynaе и такая на сердце ложится туга, что горазд душу отдать, токмо бы сызнов к людишкам прийти да человеческий голос услышать.

– Поди, и волка к волку тянет, и пчелу к пчеле, – степенно поглаживая бороду, ответил старик и, натруженно выпрямив спину, улегся на ворохе прелой соломы.

Остальные последовали за ним.

Не спалось Ваське на земляном полу в душной клетке. Едва все стихло, он неслышно поднялся и подошел к волоковому оконцу.

Хозяин подозрительно поднял голову.

– Аль замыслил чего?

От неожиданности гость вздрогнул и схватился за оскорд.

– Ты спи, старик, – выдохнул он тотчас же уже спокойней и болезненно улыбнулся. – Не приобычен аз к избяному духу. Крышку затеял с окна сволочить.

Хозяин поманил Ваську к себе.

– Ляг. С дороги-то оно эвона како отдышаться надобно человеку.

И, с отеческой лаской:

– Бродишь-то, небось и сам срок потерял?

– Не счесть, старина!

– То-то ж и аз мерекаю... А звать тебя как?

– Васькой звать. Бобыль аз – Выводков Васька.

– Так, так, – зажевал беззубыми челюстями хозяин. – А меня, мил паренек, Онисимом кличут.

Выводков помолчал; удобнее улегся и, сквозь сдержанный зев, процедил:

– А вы чьи будете людишки?

Гордо откашлявшись, Онисим отставил указательный палец.

– Живем мы за могутным господарем, за самим князь-боярином, Симеон Афанасьевичем Ряполовским.

– Могутный-то – спору нет, а невдомек мне, пошто ночами починок робите, яко те тати.

Хозяин удивленно оттопырил нижнюю губу.

– Коли ж и робить, мил человек? Аль не русской ты, – не ведаешь, что положено Богом да господарями шесть дней робить холопам на князь-бояр?..

Он причмокнул и покровительственно потрепал соседа по крепкому и упругому, как шея молодого коня, плечу.

– Тут и пораскинь ты умишком. Токмо и наше, что единый день да семь темных ночей.

Один из рубленников перекатился поближе к Выводкову и, не то серьезно, не то со скрытой усмешкой, вставил:

– Оно бы жить можно. Пошто не жить? Одно лихо – кормиться нечем.

– И отпустил бы, выходит, боярин, избыток людишек-то, – зло дернулся Выводков.

Онисим и рубленник улыбчато переглянулись.

– Чудной ты, гостюшек! И не разберешь, откель занесло тебя. Како князь-боярину без тмы холопей? Поди, зазорно ему перед суседями.

Хозяин ткнулся холодными губами в ухо гостя.

– Вот и нынче пригнал отказчик рубленников. Утресь кабалу писать будут. Хоромины князю новые поставить запритчилось.

Выводков сладко потянулся и, чувствуя, что сон властно сковывает все его существо, почти бессмысленно хлопнул горлом:

– Лют?

– Кто?

– Боярин.

– Како положено ему родом-отечеством. Не худородного семени сын, а от дедов князь-вотчинник.

И снова нельзя было понять, говорит ли серьезно рубленник или подсмеивается над своими словами.

Онисим же твердо прибавил:

– На то и поставлены Богом господари над людишками, чтобы через лютость и миловать другойцы.

И, сочно зевнув, отвернулся к стене.

– Спи. Не за горами и утро.

* * *

Васька проснулся, когда никого в клети уже не было. Накинув на плечи епанчу, он сунул за пояс оскорд и вышел на двор.

Починок был пуст. Только на краю узенькой улочки, в куче щебня, возились полуголые ребятишки, да чахлый кутенок обиженно выл, тщетно гоняясь за неподатливым вороненком.

Вдалеке, на раскисшей серым месивом пашне, копошились, разрывая навоз, холопи. Пригретый солнцем туман медленно расплзался гнилыми клочьями овечьей шерсти и таял, теряясь в мреющих прогалинах розовато-бурого леса. По взбухшей спине реки, по тысячам синих жилок льда, точно согревшаяся кровь, скользили золотые лучи, неся с собой весть воскресающей жизни.

Бобыль постоял в раздумье у двери. Беседа с Онисимом не выходила из головы. Хмурый взгляд тяжело шарил по недостроенным избам, пылливо устремлялся за черед осевших, кривогорбых курганов, в сторону боярской усадьбы, и стыл на ворчливой чаще леса.

«Уйти! – тряхнул он решительно головой. – Без нас рубленников достаточно хоромины ставить господарям!»

Но тяга к людям была сильнее, и мысль, что здесь ждет его работа рубленника, по которой он истомился, как надолго запертый в клетке кречет, приученный к охоте, гнали его упрямо и властно к хоромам князя-боярина.

С пашни шел какой-то мужик.

«Уж не отказчик ли?» – испугался Выводков и юркнул в сарайчик.

В полумраке он разглядел охапку соломы и на ней серую тень девушки.

– Занедужилось нечто?

Тень заколебалась, поднялась на локте и удивленно уставилась на вошедшего.

Васька приоткрыл шире дверь и шагнул в глубину. На него, не мигая, глядели глубокие сапфировые глаза.

– Аз – не лих человек. Лежи, коль недужится.

Она едва кивнула и смежила веки. От ресниц двумя трепещущими венчиками легли на подглазницах прозрачные стрелочки.

– Испить бы!..

И потянулась исхудалой, полудетской рукой к глиняному ковшику.

Бобыль подхватил ковшик, поддержал голову девушки и не передохнул до тех пор, пока вся вода не была выпита.

– Занедужила?

– Вся-то поизвелась.

Мягким дыханием ветерка прошелестел ее слабый голос, порождая в груди непонятную тревогу и жалость.

Чтобы чем-либо проявить сочувствие, он неловко взбил слежавшуюся солому, спешно забежал по сарайчику, сгребая ногами сор и поднимая тучи удушливой пыли; потом, с медвежьей хваткой, повернул девушку на бок и ухнул рядом на подгнившую чурку.

– Так-то вольготнее будет, – разодрал он в широкой улыбке рот.

Больная благодарно коснулась плечом его колена и чуть приоткрыла сухие губы.

– Отказчик доставил?

Выводков, стараясь изо всех сил не причинить боли девушке, осторожно провел тяжелой ладонью по ее матовой щеке.

– Точно листок рябины по осени... алый и жалостный...

Она не поняла и передернула покатыми плечиками.

– Про кой ты листок?

– Про губы твои. А замест зубов – иней на елочке.

Лицо больной стыдливо зарделось.

Васька виновато потупился и, чтобы перевести разговор, торопливо шепнул:

– Сам пришел... без отказчика. А ты давно маешься?

– С Васильева дня. Думка была – не одюжу.

Помолчав, она робко спросила:

– Далече путь у тебя?

Бобыль скривил губы.

– Далече.

Он горько улыбнулся и двумя пальцами пощипал русский пушок едва пробивающейся бородки.

– А по правде ежели – сам не ведаю, где тому пути край.

И, устремив опечаленный взгляд в пространство, процедил сквозь зубы:

– Земли, доподлинно, многое множество, а жить негде одинокому человеку.

Больная недовольно поморщилась.

– Грех. Каждому творению свое место положено. Каково бы и кречету быть, ежели бы дичина вся извелась? Да и падаль на то Богом сотворена, чтобы было ворону что поклевать.

Волчьими искорками вспыхнули раздавшиеся зрочки бобыля. Забываясь, он шлепнул изо всех сил ладонью по спине девушки.

– Ан, вот горло перекушу, да не дамся тем воронам!

Больная в страхе перекрестилась.

– Сплюнь! Через плечо в угол сплюнь! Туги не накликал бы ты себе словесами кичливыми.

В ее голосе звучала пришибленная покорность.

– Гоже ли черным людишкам с долею свар затевать?

Васька ничего не ответил и свесил голову на выдавшуюся колесом грудь. Сразу стало тоскливо и пусто, по телу разлилась безвольная слабость.

Девушка с немой грустью погладила его руку.

– Аль лихо какое приключилось с тобою, что кручину великую держишь в очах своих?

Он поднялся и, остановившись у выхода, заломил больно пальцы.

– От лиха и на свет холопи родятся, по лиху ходят да с лихом и в землю ложатся. На то и холопи.

И, точно жалуясь самому себе, тяжело перевел дух.

– И пошто ты, туга, камнем на сердце лежишь?!

Рука потянулась к двери.

– Прощай, болезная.

– Куда же?

В голосе больной прозвучала такая глубокая ласка, что Выводков почувствовал, как глаза его застлались соленым туманом.

Неожиданно, не думая, помимо своей воли, он решительно объявил:

– Куда – пытаешь? К подьячему... кабалу писать на себя.

– Выходит, у нас будешь жить?

– А выходит!

Наклонившись над ожившим в мягкой улыбке лицом, он провел рукой по кудели пышных волос девушки и вздрогнувшим голосом спросил ее имя.

Она почему-то потупилась.

– Клашею звать... Онисима дочка аз, Клаша. А тебя?

– А аз – Выводков Васька.

Шагнув за порог, бобыль с шутиливой торжественностью воздел к небу руки.

– Отныне Васька бобыль да Кланька Онисимова – одного князя холопи!

И скрылся.

Собрав все свои слабые силы, Клаша ползком добралась до порога и долго не сводила странного, полного тайной тревоги и восторженности взгляда с богатырской фигуры Выводкова, твердо шагавшего к кривогорбым курганам, к нахохлившимся низким хоромам князя-боярина Симеона.

Глава вторая

Подьячий встал, вытер перо о сивые остатки волос на затылке и, потряхнув кабальной записью, строго поглядел на бобыля.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Васька негромко повторил возглас и, повинувшись немоу приказу, перекрестился.

Гнусаво и нараспев, отставив два пальца правой руки, подьячий читал кабалу:

Се аз, Васька, сын Григорьев, по прозвищу Выводков, дал есмы на себя запись государю своему, князь-боярину Симону Афанасьевичу Ряполовскому, что впредь мне жити за государем своим, за Симеоном, во крестьянех, где он меня посадит в своем селе, или сельце, или деревне, или починке, на пустом жеребью, или пустоши, и, живучи, хоромы поставить и пашни пахати, поля огородити, пожни и луги расчищати, и смолу курити, и лубья драти, как у прочих жилецких крестьян, и с живущие пашни государевы всякие волостные подати платити, и помещицкое всякое дело делати, и пашни на ней пахати, и денежной оброк, чем он изоброчит, платити, и со всякого хлеба изо ржи и из яри пятинное давати ежегод, и жити тихо и смирно, корчмы и блядни не держати и никаким воровством не воровати и с его поместной деревни, где он, князь-боярин Симеон меня посадит, не сойти и не сбежати, а во крестьянство и в бобыльство ни на котору землю, ни за монастыри, ни за церкви, ни за помещики, никуда не переходити. А нечто аз, Васька, нарушу сие, и где меня князь-боярин Симеон с сею жилецкою записью сыщет, и аз, Васька, крепок ему во крестьянстве в его поместьи, на тое деревню, где он меня посадит, да ему ж взяти на меня заставы четыре рубли московских.

Выводков рассеянно слушал и сочно зевал.

Подьячий передохнул и сунул ему в руку перо.

– Аминь!

– Аминь! – выплюнул сквозь зубы холоп и склонился над кабалой.

– Об этом месте крестом длань свою закрепи, – нетерпеливо притопнул подьячий.

– Мы и грамотичному учению навычены, не токмо крестам!

И с огромным трудом Васька вывел:

Васька сын Григорьев Выводков рубленник.

Подьячий присвистнул от удивления:

«Разрази мя Илья-пророк, ежели видывал аз грамоте навыченных смердов!»

Он оттопырил тонкие губы и таинственно шепнул на ухо ухмыляющемуся кабальному:

– Уж доподлинно ль бобыль ты? Не из соглядатаев ли худородных?

Васька испуганно отступил.

– Живу, како дал Господь живота. Про свары государевы не разумею и в языках не хожу. – И, стукнув себя в грудь кулаком: – А токмо, к жалости своей, опричь подписа, не навычен был тем юродивеньким.

Он прямо поглядел в недоверчивые щелочки глаз подьячего.

– Живал аз однава в лесу с блаженным Иовушкой.

Подьячий сморщил открытый, выпуклый лоб и шумно вздохнул.

– Обман ежели, памятьуй, не миновать тебе в железы обрядиться. За удур⁵, не будь я Ивняк, у нас – во!

В избу вошел надсмотрщик за работами.

⁵ У д у р – ложь.

– Кланяйся спекулатарю, – ткнул Ивняк Выводкова ногой и передал надсмотрщику кабальную запись.

– Рубленник тебе новый.

Выводков отвесил спекулатарю низкий поклон.

– Разумею и пашню пахати и срубы ставить.

– А и хоромины князь-боярам?

– На том и живу.

Ваську увели на постройку.

На обведенном тыном лугу рубленники ставили повалушу⁶. Глухой подклет уже был почти готов.

Староста долго опрашивал Выводкова, пока, наконец, задал ему несложный урок.

К полудню пришел на постройку боярин. Работные людишки побросали топоры и, распростершись ниц, трижды стукнулись о землю лбами.

Симеон хлестнул в воздухе плетью.

– Робить!

Васька первый вскочил. Князь с приятным изумлением поглядел на статного рубленника.

– Пядей⁷ то сила в холопях плечах! – распустил он в улыбку толстые губы и намотал на палец край волнистой каштановой бороды.

Спекулатарь приложился подобострастно к поле княжеского кафтана.

– По господарю и людишки. Аль вместе князь-боярину Симеону, oprичь богатырей, иных холопей на двор свой вводить?

Польщенный князь самодовольно заложил руки в бока.

– Нынче гости ко мне пожалуют.

Он подошел поближе к холопу и деловито оглядел его.

– За столом ходить в трапезной будешь. Пускай бояре поглазеют на богатырей моих!

И, подавив двумя пальцами, в багровых жилках, нос, прибавил, обтирая пухлые руки о полы кафтана:

– Волю аз зрети ныне в хороминах единых могутных холопей!

Сторож на вышке ударил в колокол. Ряполовский вгляделся в расплзающуюся тягучей кашицей дорогу.

– Скачут никак?

До слуха отчетливо доносилось чавкающее жевание копыт. За выгоном показались подпрыгивающие колымаги.

Князь развалистой походкой пошел к крыльцу.

Прежде чем сойти с колымаг, гости намеренно долго возились, медлительно складывали на руки согнутым в дугу холопьям шубы и осанисто разглаживали встрепанные бороды.

– Дай бог здоровья гостям желанным! – прогудел Симеон.

– Спаси бог хозяина доброго! – в один голос ответили бояре и подошли к крыльцу.

Ряполовский ответил поклоном на поклон и искоса поглядел, чья голова склонилась ниже.

Дмитрий Овчинин почти коснулся рукою земли. Михаил Прозоровский и Петр Щенятев ткнулись за ним ладонями в грязь. Симеон разогнулся и снова, тяжело отдуваясь, по-бычьей мотнул головой. Овчинин согнул правую ногу и сделал вид, что собирается стать на колени. Тотчас же остальные согнули обе ноги.

Так, стараясь из сил выказать почтение и перещеголять друг друга, долго пыхтели и кланялись хозяин и гости.

⁶ П о в а л у ш а – летние покои.

⁷ П я д ь – четыре вершка.

Холопи лежали в густом месиве из снега и грязи, не смея пошевелинуть коченеющими пальцами.

Наконец, Ряполовский кивнул тиуну.

Широко распахнулась, повизгивая на ржавых петлях, резная дверь. Гости по одному прошли в сени. Позади всех грузно шагал, вскидывая смешно короткими чурбаками ног, хозяин.

В трапезной все строго усталились на образа и степенно перекрестились.

– Показали бы милость, посидели б с дороги, – предложил Симеон, показывая рукой на обитую алой парчой долгую лавку.

Чинно усевшись, они молча усталились перед собой и вытянули шеи так, как будто что-то подслушивали. У двери, готовый по первому взмаху броситься сломя голову куда угодно, стоял, затаив дыхание, тиун.

Прозоровский заерзал на лавке.

– Аль молвить что волишь? – услужливо подвинулся к нему князь.

– Убери тиуна того.

– Изыди! – тотчас же брызнул слюной Симеон и плотно прикрыл дверь за холопом.

– Язык не притаился бы где? – подозрительно оглядели гости полутемную трапезную.

Хозяин уверенно прищелкнул пальцами и постучал в дубовую стену.

Тиун тенью скользнул в сенях и сунул голову в дверь.

– Слышать, будто в хороминах людишки хаживают?

Приложив к уху ладонь, Антипка в страхе прислушался.

– Не можно человеку в хороминах быти, коли не было на то твоей милости.

Князь угрожающе взмахнул кулаком.

– Ежели запримечу...

И, легким движением головы отпустив тиуна, раздул чванливо обвислые щеки.

– Без воли моей не токмо человек – блоха не прыгнет!

Овчинин протяжно вздохнул. Ему эхом отозвались Щенятев и Прозоровский.

Симеон Афанасьевич грузно опустился на лавку.

– Сдается мне – невеселы вы.

Щенятев похлопал себя по бедрам и разгладил живот.

– А и не с чего ликовать, Афанасьевич. Слыхивал, поди, каково на Москве?

Хозяин широко раскрыл рот и встряхнулся, точно пес, которого одолели неугомонные блохи.

– Слыхивал. Токмо кручиною не кручинюсь.

Он гулко вздохнул и сверляще пропустил сквозь желтые тычки редких зубов:

– Не бывать тому николи. Краше на Литву податься, нежели глазеть, как хиреет сила земщины.

Овчинин закрыл руками лицо.

– А в остатний раз, егда сидел в думе с бояры, тако и молвил: «Самодержавства, дескать, нашего начало от Володимира равноапостольного; мы, дескать, родились на царство, а не чужое похитили!»

Щенятев заткнул пальцами уши и с омерзением сплюнул через плечо.

– Сухо дерево, завтра пятница... А не той молвью молвить, а не тому ухосвисту вещать.

И, с неожиданной гордостью:

– А мы чужое похитили? Не от дедов ли в вотчинах, како Бог издревле благословил, господарим?

Его рябое лицо подернулось синей зыбью, и багровые лучики на мясистом обрубочке носа зашевелились встревоженным роем паутинных червей.

– А еще да помнует, да крепко пускай помнует великой князь: обыхли большая братья на большая места седати. Не прейти сего до скончания века.

Туго натянутой верблюжьей жилой звучал его голос. И были в нем жестокая боль и упрямая, жуткая сила.

– Да помнят Иоанн Васильевич!

Что-то зашуршало в подполье. Прозоровский торопливо сполз с лавки и приложился щекой к полу.

– Мыши! – выдохнул он и в суеверном страхе перекрестился. – Не к добру, Афанасьевич. Сдается мне – тут под полом и гнездо мышиное.

Овчинин хрустнул пальцами.

– Не к добру. Высоко мышь гнездо вьет – снег велик будет да пути к покою сердечному заметет.

Симеон Афанасьевич приподнял гостя с пола и затопал ногами.

– Кш, проваленные! По всем хороминам тьмы развелись!

Но тут же хитро прищурился.

– Да и мы не лыком шиты. Не мудрей меня лихо. Ухожу аз в хоромины новые.

Щенятев расчесал пятерней мшистую бородку свою и крикнул.

– Оно, при доброй казне, от лиха завсегда уйти можно.

Заплывшие глаза хозяина полуденно сверкнули.

– Не обидел бог казною, Петрович. В подклете-то во – коробов. – Он широко развел руками и поднял их над головой. – Токмо казною и держимся.

Они снова уселись, успокоенные.

Прозоровский скривил в ехидной улыбке толстые губы.

– А поглазеем, како без высокородных поволодеет великой князь! Како без земщины устоит земля русийская!

И к Ряполовскому, полусшепотом:

– Репнин Михайло наемни в вотчину ко мне колымагою заходил.

Симеон насторожился.

– Сказывал, будто в Дмитрове, Можайске да Туле и Володимире по всем вотчинам ропшут бояре.

Щенятев не вытерпел и перебил Прозоровского:

– Дескать, покель время не упустили, – посадить бы на стол Володимира Ондреевича, князь Старицкого.

Кровь отхлынула от лица Симеона. Обмякшие подушечки под глазами взбухли черными пузырьками, а на двойном затылке завязался тугой узел жил.

– А ежели проведает про сие от языков великой князь?

Гости задорно причмокнули.

– Ни един худородный про то не ведает. А среди земщины покель нет языков.

Низко свесилась голова Ряполовского. Зябко ежились тучные плечи его, и испуганные глаза робко прятались в тараканьих щелках своих.

Щенятев раздраженно забарабанил пальцами по столу.

– Аль боязно стало, боярин? – Улыбка презрения шевельнула напыженные усы и шмыгнула в бородку.

Симеон кичливо выставил рыхлое брюхо.

– На ляхов не единыжды хаживал. Противу арматы⁸ татарской с двумя сороками ратников выходил. Не страха страшатся князя Ряполовские!

Князь Михайло прищурился.

– Не страха, сказываешь? Так не князя ль великого, Иоанна Васильевича?

⁸ Арматы – войско.

Мучительное сомнение охватило хозяина. Ему начинало казаться, что гости, которым он всю жизнь доверял, как себе самому, затеяли против него что-то неладное и пытаются нарочито втянуть в разговор о великом князе. Но больше, чем сомнения, терзала мысль действительной возможности заговора. Если бы нужно было, он не задумываясь стал бы лицом к лицу перед Иоанном и без утайки поведал ему все, что накопилось в душе за последние годы, когда великий князь заметно стал уходить от влияния Сильвестра и Адашева и приблизил к себе родичей жены своей Анастасии Романовны. Но тайно замышлять противу Рюриковичей, богом данных князей великих, но при живом государе отдаться другому владыке – было выше его сил.

Гордо запрокинув голову, он раздельно, по слогам, отчеканил:

– Отродясь не бывало у Ряполовских, чтобы израдою⁹ душу очернить перед Господом.

Бояре молча поднялись и потянулись за шапками.

Хозяин растерянно засуетился:

– Негоже тако, хлеба-соли нашего не откушавши. Петрович... и ты, Михайло, да ты, сватьяшко Дмитрий...

Гости отвернули головы и решительно шагнули к двери.

– Негоже нам неподобные словеса твои слухом слушати.

– Сватьяшко! Да нешто звяги аз молвлю? Откель ты те непотребные звяги-словеса спонаходил?

И, заградив своей, колышущейся студнем, тушеей выход, вцепился в руку Овчинина.

– Не было воли моей гостей окручинить...

Прозоровский зло передернул плечами.

– А кто израдою окстил нашу затею?

– И не окстил, а по-божьи волил размыслить.

Страх, что бояре покинут его, оставят одного среди назревающего спора земщины с великим князем, заставил смириться на время и заглушить в себе возмущение.

– Поразмыслить волил с друзьями верными. Нешто же тем согрешил?

Овчинин откинул шапку.

– А поразмыслить и пожаловали мы в хоромы твои.

Усевшись удобней, он прислонился спиной к стене и сурово спросил:

– Пораскинъ-ко, Афанасьевич, умишком своим: не израда ли Господу Богу стол московской окружить Юрьиными, а на земщину и не зрети?

Прозоровский стукнул изо всех сил кулаком по своей ладони.

– Попамятуете меня! Лиха беда сызначалу! А и опала не за лесами, а и грамоты наши вотчинные скоро не в грамоты будут.

Уставившись немигающими глазами в хозяина, он приложил палец к губам.

– Затем и пожаловали к тебе, чтобы ведать... – рука мотнулась перед лицом, творя маленький крест, – чтобы ведать, волишь ли ты под заступника стола московского и древних обычаев, под Володимира Ондреевича, аль любы тебе Юрьины?

Ряполовский вобрал голову в плечи и отступил, точно спасаясь от занесенного над ним для удара невидимого кулака. Выхода не было. Приходилось или сейчас же порвать с боярами и отдаться на милость ненавистных родичей Анастасии, или войти в заговор и этим, может быть, удержать в своих руках силу и власть земщины, против которых, несомненно, замышлял великий князь.

– Волю! – прогудел он вдруг решительно. – Волю под Старицкого!..

И по очереди трижды, из щеки в щеку поцеловавшись с гостями, хлопнул в ладоши.

На пороге вырос тиун.

– Пир пировать!

⁹ И з р а д а – измена.

Антипка метнулся в сени.

Ожили низенькие хоромы боярские неумолчным шепотом, звоном посуды и окликаками боярских стольников. Долгою лентою построились холопы от поварни и погребов до мрачной трапезной. Людишки ловко передавали от одного к другому кувшины, ведра, братины, полные вина, пива и меда. Стольники расставляли по столу енды, ковши и мушеры, жадно раскрытыми ртами глотали вкусные запахи дымящихся блюд и покрикивали на задерживавшихся людишек.

Симеон зачерпнул из братины корец двойного вина боярского и подал старшему гостю – Овчинину. Прозоровский и Щенятев сами налили свои кубки.

Хозяин с укором поглядел на гостей.

– Нынче сам всем послужу.

Отодвинув кубки, налил братину и передал ее князьям.

По долгой холопьею стене беспрестанно скользили новые блюда.

– Пейте, потчуйтесь! – усердно кланялся хлебосольный хозяин. От толкна борода его побелела, а по углам губ золотистыми струйками стекал жир.

Симеон то и дело обсасывал усы, размазывал ладонью потное лицо и вытирал пальцы о склеившиеся стоячими сосульками рыжие свои волосы. От недавнего возбуждения он быстро охмелел и раскис. Гости уже не дожидались приглашения, а молча и усердно пили, закусывая пряжеными пирогами с творогом и яйцами на молоке, в масле, и рыбою, изредка подливая вина в овкач Ряполовского.

Низко склонившись перед Щенятевым, Васька держал на весу огромное ведро гречневой каши.

Князь осоловело уставился на холопя.

– Пригож ты, смерд. В пору тебе не в холопах, а в головах стрелецких ходить.

И, пощупав внимательно, как щупают на торгу лошадей, руки, грудь и икры рубленника, похлопал хозяина по плечу.

– Ты бы, Афанасьевич, меня наградил холопом своим.

Князь приподнял голову со стола, залитого вином, подкинулся всем телом от распившей его пьяной икоты и промычал что-то нечленораздельное.

Выводков угрюмо уставился в подволоку и, стиснув зубы, молчал.

Стольники убрали посуду и расставляли новые блюда с курником, левашниками, перепечами и орешками тестяными.

– А к зайцу вместе двойного боярского! – загудел неожиданно Ряполовский и сделал усилие, чтобы встать, но, потеряв равновесие, рухнулся на заплеванный пол.

Овчинин, как сват, принял на себя хозяйничанье и поклонился в пояс гостям.

– Аль у нас потрохи под зваром медвяным не солодки?

Прозоровский с омерзением пресытившегося зверя отодвинул от себя звар и припал распаленными губами к братине.

Князь не отставал. Еле держась на ногах, он кланялся в пояс и упрашивал заплетающимся языком:

– Свининки отведали бы. А то бы гуська да блинов. Ей-пра, отведали бы.

Щенятев тыкался в агатовое блюдо, тщетно пытаясь подхватить щелкающими зубами неподдающийся блин.

– Песню бы, что ли, сыграть? – предложил Прозоровский и, с завистью взглянув на всхрапывающего хозяина, улегся подле него. – Пой, играй, друга, песни веселые! – размахивал он руками и удобней устраивался. – Про славу князей русских пой песни, други!

И в полусне загнусавил что-то тягучее и бессмысленное.

В окно тыкался серенький и чахлый, как голодный кутенок, выброшенный на дождь, мокрый вечер. В светлице боярыни запутавшимся в паутинную вязь золотым жучком трепетно бился огонек сальной свечи.

Из каморки в подклете, что под трапезною боярскою, крадучись, на четвереньках, выползала чья-то робкая тень.

Глава третья

Тихо в светлице. На полу возится с кичным челом сенная девушка. У ног боярыни измятым грибом прилепилась шутиха. Из-под холщовой рубахи выбилась кривая нога, обутая в расписной серый сапог, и голова на тоненькой шее, в пестром, смешном колпачке, беспомощно вихляется надломленной шапочкой мухомора. В лад движениям чуть вздрагивают бубенцы, каждый раз вызывая недоуменный испуг в злых, раскосых глазах.

У стрельчатого оконца боярышня лениво перебирает в золоченом ларце давно приглядевшиеся забавы. Сонно позевывая, она одной рукой крестит рот, другая безучастно поглаживает сердоликового мужичка.

Боярышне скучно и неприветно в постылом полумраке до одури знакомой светлицы. Чтобы разогнать наседающее раздражение, которое, как всегда, разрядится долгими, обессиливающими слезами, она с неожиданною поспешностью принялась передвигать и расставлять поновому столы и лавки. Но и это не успокаивало. Глухой шум говора и пьяного смеха, долетавший из трапезной, переворачивал вверх дном всю ее душу, порождал непереносимую зависть и ненависть.

– Матушка! – позвала она сдавленно и, шупая воздух широко расставленными руками, точно слепая, пошла бочком от оконца.

Грузная мамка, бывшая кормилица боярышни, неслышно таившаяся до того в темном углу, подскочила к девушке и привычным движением смахнула с ее краснеющих глаз повиснувшие слезинки.

Шутиха потерлась подбородком о горб и тоненько заскулила.

Боярыня очнулась от забытья и истово перекрестилась.

– Не про нас, не про вас, – вся напасть на вас!

И больно ткнула горбунью ногой в бок.

– Не ведаешь, проваленная, что изгореть может нечто, колико воет пес?

Горб шутихи заходил ходуном от скулящего смеха.

– И доподлинно, боярыня-матушка, проваленная. Токмо кручины тут нету твоей: крещеная аз.

Боярыня сурово сдвинула густо накрашенные брови. Дочь схватила ее руку и задышала страстно в лицо.

– Отбывают, должно.

– Кои там еще отбывают?

Но, догадавшись, подошла тотчас же к оконцу.

На крыльце хозяин лобызался с гостями.

Боярыня с нескрываемой злобой следила за обмякшим после пьяного сна мужем. Улучив минуту, сенная девушка оторвалась от кичного чела и с наслаждением потянулась.

Шутиха потрепала ее костлявыми пальцами по щеке и шушукнула на ухо:

– Передохни, горемычная, покель ворониха наша слезой тешиться будет.

С трудом оторвавшись от оконца, боярыня повалилась на лавку и, сквозь всхлипывания, выталкивала:

– Небось и вино солодкое с патокою лакали. И березовец, окаянные, пили. А чтобы нас с Марфенькой гостям показать – николи, видать, не дождаться.

Марфа обняла мать и хлопнула в набеленную щеку:

– То-то у меня нынче с утра очи свербят. Ужо чуюла – к слезам неминучим.

Шутиха взобралась на лавку и, как сломанными крыльями, замахала искривленными ручонками.

– Ведут!

Боярыня с дочерью наперебой бросились к оконцу. Гнилою корягою стукнулась об пол сброшенная с лавки горбунья.

Осторожно и благоговейно, как драгоценные хрупкие сосуды, полные заморским вином, несли холопы на руках пьяных гостей. Симеон, поддерживаемый за спину тиуном, отвечивал поклон за поклоном.

Наконец, бояр уложили в колымаги. Застоявшиеся кони весело понеслись к едва видным курганам. Людишки, с факелами в руках, бежали за гостями до леса. Изжелта-красными бороденками струились и таяли в мгlistой тиши курчавые лохмы огней.

Ряполовский в последний раз ткнулся кулаком в свой сапог и, повиснув на тиуне, тяжело зашаркал в опочивальню.

Боярыня со вздохом присела у крыни¹⁰.

– Ты бы, Марфенька, в постельку легла бы.

Девушка прижалась щекою к липкой от слез и румян материнской щеке.

– Не люб мне сон. Краше с тобой посидеть.

И, выдвинув ящик, нежно провела рукой по шуршащей тафте.

Мамка достала волосник¹¹. Боярыня с гордостью примерила его дочери.

– Твой, Марфенька. А бог приведет, будешь боярыней – эвона, добром коликим отделию.

Любовно и сосредоточенно перебирали пальцы вороха шелка, объари, тафты и атласа.

– Все тебе, светик мой ласковый.

Увлекаясь, Ряполовская выдвигала ящик за ящиком.

– Не показывала аз тебе допрежь. Тут и летники, и опашни, и телогреи.

Марфа жадно прижимала к груди приданое. Шутиха, стараясь казаться подавленной оби-
лием добра господарского, то и дело всплескивала руками и тоненько повизгивала.

– Херувимчик ты наш, – чмокала он икры боярышни, – ты к волоснику убрус¹² подвяжи.

Вытянувшись на носках, горбунья повязала убрус узлом на раздвоенном подбородке зардевшейся девушки и застыла в немом восхищении.

– Да тебе не в боярышнях, а в царевнях ходить, – вставила мамка и, считая, что выполнила все требующееся от нее, безразлично уставилась в подволоку.

Молочные лучи месяца улыбочато пробрались в светлицу и легли кружевным рушником на желтом полу. По краям рушника странным зверком кралась густая тень от горба шутихи.

Боярыня встрепенулась:

– Эк, полунощницы мы.

И кликнула негромко постельницу.

* * *

Тиун неподвижно стоял у низкой двери опочивальни. Боярин сел подле окна, налил корец кислого, как запах бараньей шерсти, кваса и залпом выпил.

Антипка грохнулся на пол.

– Князь-боярину на здоровье, а нам, смердам, на утешение.

Симеон тупо прислушался.

– Ты, что ли?

– Аз, господарь мой.

Тиун несмело поддался на брюхе поближе к князю.

– Отказчик на дворе сдается.

¹⁰ К р ы н я – комод с выдвижными ящиками.

¹¹ В о л о с н и к – шапочка шелковая в жемчугах.

¹² У б р у с – белый платок.

Ряполовский надоедливо отмахнулся.

– Недосуг мне... Утресь.

Поднявшись с пола, Антипка остановился на пороге.

– Сказываю, утресь!

– Тешата охальничает, господарь мой. Отказчика того со двора погнали.

Ряполовский вскочил и по-бычьи согнул багровую шею.

– Абие¹³ ко мне доставить!

Тиун шмыгнул в сени. В заплывших глазах боярина сверкнули звериные искорки. Стиснув до боли зубы, он стал у порога.

Отказчик робко склонился перед ним.

– Не моя вина. Не токмо надо мной – над твоим именем глумится! – Он возмущенно подергал кончик жиденьких усов своих. – Тако и лаял: «Ныне, дескать, страдники не ниже высокородных».

– Не ниже?!

Точно клещи, впились в горло отказчика жирные пальцы боярина.

– Убогой сын боярской, Тешата, не ниже вотчинников Ряполовских?!

– Тако и сказывал, господарь! – прохрипел задыхаясь отказчик: – «Мы хоть и малым володеем, а холопей не продаем. Самим надобны нынче».

Симеон на мгновение разжал пальцы, отступил и, размахнувшись, с плеча, изо всех сил ударил покорно стоявшего перед ним человека.

– Добыть! Доставить!

Тиун бочком подвинулся к боярину.

– Дозволь молвить смерду.

И, коснувшись рукою пола:

– Не в диво нам тех людишек у Тешаты отбить. Токмо бы воля твоя.

– На коней! – топал иступленно ногами князь, не слушая Антипку.

– Абие оседлаем. Токмо дозволь молвь додержать.

Широко раздув ноздри, Ряполовский надвинулся на тиуна.

– Не по дыбе ль соскучился?

– От твоей милости, князь, и дыба мне, смерду, великая честь!

Льстивый голос холопа смягчил боярский гнев.

Симеон присел на лавку и, уже почти спокойно, кивнул:

– Сказывай.

– Не смиритсЯ Тешата. С тяжбой пойдет на тебя. То ли дело – подъячего, Ивняка Федьку, кликнуть. Умелец подъячий наш ссудные кабалы пером наводит.

Хитрая усмешка порхнула на одутловатом лице Симеона, оживив сморщенные подушечки под глазами. В багровых прожилках нос шумно обнюхал воздух, точно учуяв неожиданную добычу.

– А и горазд ты на потварь, смерд.

– Не потварь, князь, а, коли пером настряпано будет, истинной правдой опрокинется.

И, не дожидаясь разрешения, побежал за подъячим.

Федька спал, когда к нему в избу ворвался Антипка.

– К боярину! – услышал он сквозь сон и обомлел от жестоких предчувствий.

Узнав по дороге, зачем его звали, подъячий облегченно вздохнул и сразу проникся сознанием своей силы.

В опочивальню он вошел неторопливым и уверенным шагом.

Ряполовский не ответил на его поклон и только промычал что-то под нос.

¹³ А б и е – тотчас.

Федька закатил бегающие глаза, деловито уставился в подволоку и размашисто перекрестился.

– Стряпать ту запись, боярин?

– На то и доставлен ты.

Подьячий чинно достал из болтавшегося на животе холщового мешочка бумагу, фляжку с чернилами и благоговейно, двумя пальцами вынул из-за оттопыренного уха новенькое гусиное перо.

– А не будет ли лиха? – полушепотом спросил князь, почувствовав вдруг, как что-то опасно зануло в груди.

– В те поры казни, господарь.

Ивняк лихо потряхнул остренькой своей головой и накрутил на палец ржавую паклю бородки.

– Не бывало такого, чтоб Федькины грамоты без толку в приказах гуляли.

– Пиши.

– Колико, князь-боярин, долгу на нем у тебя?

Ряполовский хихикнул и махнул рукой.

– Коли умелец ты, сам умишком и пораскинь. Токмо бы ему, смерду, не приведи господь, расчесться не можно бы!

Подьячий почесал пером переносицу и лукаво мигнул.

– Пятьсот, выходит.

– Пиши.

Расправив усы и откашлявшись, Ивняк запыхтел над бумагой.

Окончив, он вытер рукавом со лба пот и торжественно прочитал:

Се аз, сын боярский, Тешата, занял есмы у князь-боярина Симеона Афанасьевича Ряполовского пятьсот рублей денег московских ходячих от Успения дня до Аграфены купальщицы, без росту. А полягут денги по сроце, и мне ему давати рост по расчету, как ходит в людех, на пять шестой. А на то послуши Антип, Тихонов сын, да Егорий, Васильев сын. А кабалу писал подьячей Федька Ивняк.

Князь выправил колышущуюся, как вымя у тучной коровы, грудь и кулаком погрозился в оконце.

– Ужотко помятует, каково не ниже сести вотчинников высокородных!

Он спрятал кабалу в подголовник и указал людишкам глазами на дверь.

Федька маслено улыбнулся.

– Пригода приключилась какая со мной, осударь!

– А нутко?

– Был боров у меня, яко дубок, да, видно, лихое око попортило того борова.

Симеон неодобрительно крякнул.

– Экой ты жаднющий, Федька!

И, с милостивой улыбкой, перевел взгляд на тиуна.

– Жалую подьячего боровом да ендовой вина двойного.

Отказчик и Ивняк, отвесив по земному поклону, ушли.

Тиун сложил молитвенно на груди руки и задержался у двери.

– Дозволь молвить смерду.

– Ну, чего неугомон тебя в полунощь взял?

– Воля твоя, господарь, а токмо не можно мне утаить.

Мохнатыми гусеницами собрались брови боярина.

– Сказывай.

– Како милость была твоя, неусыпно око держу аз за боярыней-матушкой.
– Не мешкай, Антипка, покель бороденкою владеешь!
– Перед истинным, князь... Глазела... Очей не сводила с гостей твоих... А допрежь того, чтоб приглянуться, колику силу белил извела – и не счесть. – Он огорченно вздохнул и свесил голову на плечо. – И еще тебя в слезах поносила.
Ряполовский раздул пузырем щеки и выдохнул в лицо тиуну:
– Доставить! Принарядить и немедля доставить!

* * *

Трясущимися руками обряжала постельница перепуганную боярыню. Тиун поджидал в сенях. Когда скрипнула дверь и на пороге показалась Ряполовская, он поклонился ей в пояс.

Постельница смахнула гусиным крылышком пыль с широкого красного опашня господарыни и оправила пышные, свисающие до земли, рукава.

– Сказывал боярин – принарядилась бы ты, матушка.

Постельница пожала плечами.

– Чать, очи-то глазек твои?

И, точно расхваливая перед недоверчивым покупателем свой товар, чмокаяще обошла вокруг закручивившейся женщины.

– Опашень и ко Христову дню не соромно казать: эвона, два череда пуговиц из чистого золота да серебра чеканного. Да и под воротом нешто худ другой ворот? Поди, половину спины покрывает. А шлык на головушке – поищи-ка рубинов таких! Про шапку земскую уж и не сказываю. Парча золотая то, да и жемчуг с бирюзой – како те слезы у боярышень перед венцом.

Покачивая двумя золотыми райскими яблочками серег, боярыня медленно поплыла по полутемным сеням. У двери опочивальни она больно стиснула пальцами грудь и разжала накрашенные губы.

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

– Аминь! – пчелиным жужжанием донеслось в ответ.

Боярыня шагнула через порог и, чувствуя, как подкашиваются похолодевшие ноги, ухватила за плечо тиуна.

– Садись, Пелагеюшка!

Она поклонилась низко, но не смела сесть.

Оскалив белесые десны, Симеон подавил по привычке двумя пальцами нос и взъерошил бороду.

– А не слыхивала ль ты, Пелагеюшка, от людей, что негоже боярыням на чужих мужьев зариться?

Женщина вздрогнула и попыталась что-то сказать, но только покрутила головой и прихлебываяще вздохнула.

– Нынче поглазеешь, а тамо и до сговора с потваренной бабою¹⁴ недалече.

– Помилуй! Не грешна аз!

Симеон стукнул по столу кулаком.

– Все-то вы одной думкою бабьей живы.

И бросил жестко тиуну:

– Готовь!

Антипка бережно снял с боярыни опашень, летник и земскую ферязь. Остальные одежды сорвал сам боярин и, когда нагая женщина в жутком стыде закрыла руками лицо, бросил ее на лавку.

¹⁴ Потваренная баба – сводница.

– Вяжи!

Долго и размеренно хлестал Симеон плетью, скрученной из верблюжьих жил, по изодранной спине жены. Она ни единым движением не выказывала боли и сопротивления, только зубы глубоко вонзились в угол крашеной лавки и ногти отчаянно скребли трухлявое дерево.

Наконец, болезненно хватаясь за поясницу, князь повесил на гвоздь окровавленную плеть и развязал веревки, крепко обмотавшие руки и ноги жены.

Тиун, накинув на боярыню ферязь, вывел ее из опочивальни.

У двери Ряполовская, теряя сознание от невыносимой боли и бессильного гнева, задержалась на мгновение и трижды поклонилась.

– Спаси тебя бог, владыка мой, за то, что не оставляешь меня заботой своей.

– Дай бог тебе в разумение, заботушка моя, женушка! – нежно прогудел князь и подставил жене для поцелуя потную руку свою.

Уже светало, когда Симеон приготовился спать.

Девка придвинула лавку к лавке, расклала пуховики. В изголовье набухла пышная горка из трех подушек.

Покрыв постель шелковой простыней и стеганым одеялом с красными гривами¹⁵ и собольими спинками, девка раздела боярина и без слов шмыгнула под одеяло.

Князь лениво перекрестился. Усталый взгляд его остановился на образах.

– Соромно! – сокрушенно буркнул он в бороду и снова перекрестился.

– Ты мне, господарь?

– Нешто ты разумеешь, сука бесстыжая!

Он суетливо поднялся, снял с себя крест, занавесил киот и, успокоенный, полез в постель.

– Тако вот... Не соромно перед истинным, – широко ухмыльнулся он, облапывая покорную девку.

¹⁵ Г р и в а – кайма.

Глава четвертая

Вечерами медленно поправлявшаяся Клаша с трудом выползала из сарая на двор и нетерпеливо дожидалась возвращения Васьки.

Похлебав пустой похлебки, Выводков забирал свою долю лепешки, луковицы и чеснока и выходил на крылечко.

– Сумерничаешь?

Она отводила взор и, стараясь скрыть волнение, приглашала его побыть подле нее.

Холоп протягивал застенчиво луковицу и лепешку.

– Откушай маненько.

В мягкой улыбке глубже проступали ямочки на матовых щеках девушки, и в наивных глазах светилась материнская ласка.

– Сам бы откушал.

Но Васька строго настаивал на своем и насильно совал лепешку в плотно сомкнутую алую ленточку губ.

– Эдак, не кушавши, нешто осилишь хворь? Ты пожуй.

И прибавлял мечтательно:

– Молочка бы тебе да говядинки.

Она близко подвигалась к нему и не отвечала. Холодок тоненькой детской руки передавался его телу странной, не ведомой дотоле истомой, а едва уловимый, прозрачный запах волос напоминал почему-то давно позабытый лужок на родном погосте, где в раннем детстве он любил, зарывшись с головой в ромашку и повилику, слушать часами баюкающее дыхание земли.

Осторожно, точно боясь спугнуть сладкий сон, Васька склонял голову к ее плечу. Губы неуловимым движением касались перламутровой шеи и потом, оторвавшись, долго пили пьянящие ароматы ее тела.

Так просиживали они, не обмолвившись часто ни словом, до поздней ночи, пока Онисим, незлобиво ворча, выходил из избы и гнал их спать.

С каждым днем уменьшался вес лепешки. В черное тесто все больше подсыпалось толченой серединной коры, и вскоре вовсе исчезли лук и чеснок.

Лишь у немногих холопей оставался еще малый запас мороженой редьки.

На Крестопоклонной боярин в последний раз отпустил людишкам недельный прокорм и наказал больше не тревожить его просьбами о хлебных ссудах.

Пришлось нести в заклад все, что было в клети, на немногочисленные дворы крестьянские, пользовавшиеся особенными милостями Ряполовского.

В каждой губе были свои счастливицы: и дьяки, и князья усердно поддерживали небольшую группу крестьян и пеклись об их благосостоянии.

Так обрастали вотчины преданными людишками, представлявшими собой род крепостной стены, которая, при случае, должна была служить боярам защитой от беспокойных холопей.

В канун Миколина дня, после работы, людишки упали спекуляторю в ноги.

Спекулятор хлестнул бичом по спине выползшего наперед Онисима.

Старик взвизгнул и, сжав плечи, чуть поднял голову. По землистому лицу его катились слезы; седая лопата бороды, жалко подпрыгивая, слизывала и бороздила дорожную пыль.

– Не с лихим мы делом, а с челобитною.

Глухим, сдержанным ропотом толпа поддержала его.

– Невмочь робить доле на господаря. Измаял нас голод-то.

Один из холопей поднялся и прямо посмотрел в глаза спекуляторю.

– Пожаловал бы князь-боярин нас милостию, да дозволил бы хлеба добыть в слободе аль в городе.

Спекулатарь раздумчиво пожевал губами.

– Доведешь ты, Неупокрой, холопей до горюшка.

Резким движением Неупокрой провел пальцем у себя по горлу.

– Ежели единого утресь недосчитаешься, – секи мою голову.

Холопи ушли за курганы дожидаться решения князя.

Ваське пришлось по душе слова Неупокроя и смелое поручительство его за целость людешек.

Он отозвал товарища в сторону.

– А что, ежели и впрямь кто не вернется? Отсекут голову – не помилуют?

Неупокрой самоуверенно улыбнулся.

– Ежели нету в человеке умишка, буй¹⁶ ежели человек, тому и голова ни к чему.

И, ухарски заломив баранью шапку, присвистнул.

– А моя голова при мне будет. Не зря аз во дворянах родился.

Притопывая и напевая какую-то непристойную песенку, он отошел от рубленников и смешался с толпой.

Васька недоверчиво ткнулся губами в ухо Онисима:

– Дворянин?

Старик разгладил бороду и прищипывая сплюнул.

– Дворянин. За долги поддался к нашему боярину в кабалу. – Он понизил голос до шепота и подозрительно огляделся: – На словеса солодкие умелец тот Неупокрой. Токмо, сдается мне, не зря князь его примолвляет. Не в языках ли держит его.

На дороге замаячила тощая, как высохшая осока, тень спекулатаря. Сдержанный говор толпы сразу оборвался и перешел в напряженное ожидание.

Остановившись у кургана, спекулатарь высоко воздел руки и молитвенно закатил бегающие рысьи глаза.

– От господаря нашего, князь-боярина Симеона, благословение смердам.

Холопи упали ниц.

– Внял боярин челобитной. Жалует вас прокормом, кой измыслите сами себе на слободе.

Весело поднялись людишки и поклонились спекулатарю в пояс.

Вечерело. Брюхо неба разбухло черными, слегка колеблющимися облаками. Из леса, цепляясь за сучья и оставляя на них изодранные лохмотья, тяжело ползла на курганы мгла. С Новгородской стороны зашаркал по земле мокрыми лапами промозглый ветер, с неожиданным воем взвился и распорол брюшину неба. На мгновение сверкнула серебряная пыль Ерусалим-дороги¹⁷ и снова задернулась черным пологом. В приникшей траве о чем-то тревожно и быстро зашущукались частые капли дождя. Редкие кусты при дороге обмякли, поникли беспомощно и стали похожи на отшельников, творящих в сырой и тесной пещере бесконечные моления свои.

У починка Васька отстал от товарищей и ощупью пробрался в сарайчик.

Вздремнувшая Клаша испуганно очнулась от прикосновения холопей руки.

– Ты никак?

И, услышав знакомый шепот, с облегчением перекрестилась.

– Со сна почудилось – домовою соломкой плечо лехтает мое.

Выводков по-кошачьи ткнулся и мягко провел головой по ее шее.

– Вечеряла, Кланыя?

¹⁶ Б у й – глупый, дурак.

¹⁷ Е р у с а л и м - д о р о г а – Млечный Путь.

Девушка сердито фыркнула и отодвинулась.

– С кем гулял, того и пытай.

Горделивою радостью охватили сердце холопа неприветливые слова.

– Выходит, не люби тебе поздние гулянки мои? – И порывистым движением привлек ее к себе.

– Уйди ты, не займай.

Она зарылась головой в солому и смолкла.

Выводков приложился губами к теплему плечу. Клаша не двигалась. Раздражение ее уже улеглось, сменяясь неожиданно охватывающей все существо истомною слабостью.

– Да не с девками аз гулял, а с иными протчими сдождался боярской воли в слободу идти за прокормом.

Залихватски присвистнув, он до боли сжал покорно поддающуюся прохладную руку.

– Обойди меня леший в лесу, ежели не сдобуду для сизокрылой моей молочка да и жиру бараньего на похлебку!

Лицо девушки ожило в мягкой улыбке. Насевшие было сомнения растаяли, как на утреннем солнце туман.

– Ничего мне не надобно... Токмо бы...

Клаша стыдливо примолкла, но тут же закончила торопливо:

– Токмо бы ты в здравии домой обернулся.

Рубленник поцеловал ее в щеку и встал.

– Прощай. Не отстать бы от наших.

Он приложил руку к груди и потряхнул головою.

– Ежели б ведомо было тебе, Кланюшка, колико ношу аз в сердце своем к тебе...

И, не договорив, побежал из сарая вдогон толпе, крадущейся в кромешном мраке к слободе.

Холопи остановились у заставы для короткого отдыха.

Дождь прошел, но тьма, окутанная могильною тишиной, казалась еще плотнее и непрогляднее. Напряженный слух не улавливал ни единого шороха жизни. Не тревожили даже шаги дозорных стрельцов, укрывшихся в вежах¹⁸ от непогоды.

Первым поднялся Неупокон.

– Абие и починать! – объявил он решительно и разбил людишек на три отряда. – Како станем по середу и краям, тако свистом первую весть возвестим. А по второму свисту жги, не мешкая!

Промокшие насквозь холопи послушно поползли в разные стороны.

Короткий свист прорезал настороженную мглу.

Сбившиеся в кучку стрельцы мирно дремали в веже. Один из них лениво встал, но, выглянув на улицу, вернулся поспешно к товарищам. Зябко поеживаясь от пронизывающей сырости, он нахлобучил на глаза шапку, сочно и протяжно зевнул.

– А? Кличут никак? – сквозь сон промычал сосед и тотчас же стих.

Черными призраками неслышно сновали холопи, ощупью добывая солому.

Неупокон переждал немного и дважды оглушительно свистнул.

Стрельцы вскочили и, толкая друг друга, выбежали из вежи. Но предупредить пожар уже было поздно. В разных концах слободы, низко над землей, поползли зловещие алые змейки. Они вытягивались истомно, набухали, прыгали игриво все выше и дальше, переплетаясь чудовищными, живыми жгутами. Соломенные крыши смачно запыхтели искрящимися трубками, высоко выплевывая в небо клубы черного дыма.

– Горим!

¹⁸ Вежы – шатры.

Отчаянными криками, воплями детей, голосистыми бабыми причитаниями загомонила слобода.

В диком страхе метались по улице, точно загнанные в ловушку звери, теряющие рассудок люди.

С улюлюканием, свистом и гоготаньем бросились холопи в охваченные полымем избы.

* * *

Нагруженные слободским добром, людишки боярские возвращались лесом домой. Васька отказался от своей доли полотна, кож, полуобгоревшей утвари и одежды, променяв это добро на огромного барана, мушерму молока и пышную ковригу ржаного, медвяно пропахнувшего хлеба.

Ночную темь то и дело рвали сухие выстрелы и песни стрел. Но в лес стрельцы не решались идти.

В ближайшую губу скакал с донесением ратник.

В глухой чаще головной отряд холопей, под воеводством Неупокоя, расположился на пир. Устроившись в медвежьей берлоге, людишки вкатили туда три бочонка с вином.

Неупокой ударил обухом оскорда по днищу.

– Пей, душа разбойная!

Шапками, пригоршнями, лаптями, перепачканными в глину и грязь, черпали холопи и с веселыми прибаутками пили вино. Изголодавшиеся рты жадно тянулись к хлебу, салу и луку. Зубы по-волчьи разрывали истекающее теплою кровью сырое мясо. Ничего не выбросили из берлоги пирующие: trebuха, копыта, изглоданные кости, все бережливо набивалось за пазухи и в рогожи, про запас на близкие черные дни.

– Пей, веселись! – орал пьянеющий Неупокой и тыкался головой в бочонок.

Кто-то завертелся на одной ноге и вдруг ударил шапкою оземь.

– Песню, други, сыграем!

И затянул разудало:

Уж как быют-то добра молодца на правеже!
Что на правеже ево быют,
Что нагова быют, босова и без пояса...

Остальные подхватили с присвистом и дружно:

Правят с молодца казну да монастырскую!..

Неупокой вскочил на опрокинутый пустой бочонок и залился тоненькой трелью:

А случилось ехать посередь торгу
Преславному царю Ивану Васильевичу!..

Затопали молодецки холопи, понеслись в пляске разгульной и вдруг остановились, притихли. По щекам потянулись пьяные слезы. Они угрюмо затанули на один надоедливый лад:

Уж како смилоствивился надежа-царь,
Утер слезы добру молодцу на правеже:
– Не печалься, не кручинься, смерд,
Свобожу тебя словом царским...

Неупокон взмахнул рукой. Оборвалась тягучая песня. Людишки осовело уставились на темный лес.

– Не, должно почудилось, братцы, – успокаивающе подмигнул коновод и снова рассыпался звонкою трелью:

Жалую тя, молодец, во чистом поле,
Что двумя тебя столбами, да дубовыми,
Уж как третьей перекладинкой кленовою...

И тихим шелестом кончил, уронив на грудь голову:

А четвертой, четвертою тебя – петелькой шелковою...

Уверенно, гуськом, шли стрельцы на голоса.

Неупокон первый услышал подозрительный хруст; с бесшабашной песней, пошатываясь, выбрался он из берлоги и приткнул ухо к земле. До него отчетливо донеслись сдержанные шаги и шепот.

«Нешто упредить смердов? – порхнуло неохотно в мозгу. Острые глаза трусливо зажмурились. – Упредишь всех, выходит, сызнов искать почнут. Краше, сдается мне, самому шкуру-то свою унести!»

И, юркнув за деревья, исчез.

Только когда совсем проснулся день, Неупокон остановился на отдых.

Ощупав за пазухой каравай и увесистый кусок сала, он выбрал место поглуше и улегся.

«До городу только дойти бы! – шевельнулись насмешливо губы. – А тамо сызнов хозяин яз».

Он зло стукнул по земле кулаком.

«И не токмо дворянством сызнов пожалуют. Будет час добрый – такой чести дождусь: сам боярин в пояс поклонится».

Мысли переплетались беспорядочно, путались и тонули в баюкающей пустоте.

«Ужотко, потешу вас Володимир Ондреевичем, Старицким-князем».

Тело вытягивалось и млело. Глаза смежал крепкий, запойный сон.

Глава пятая

Васька так обрядил нутро повалуши, что сам Ряполовский, в награду, допустил его при всех рубленниках к своей руке.

Это была великая честь для холопа и сулила ему большие корысти. Сам спекулатарь в тот день не только пальцем не тронул Выводкова, но после работы удостоил его несколькими дружескими словами.

Людишки стали искоса поглядывать на товарища.

– Уж не в языки ли пошел к боярину? – шептались одни. – Не зря господарь примолвляет кабальных. Ведома нам его ласка!

Другие восхищенно показывали на повалушу.

– Сроби-кась чудо такое! Да за эту за творь не токмо к руке – в тиуны не грех умельца пожаловать!

И подлинно: было на что поглядеть и полюбоваться: подволока шла не в причерт с вытесом, не ровно и гладко, а кожушилась затейливыми узорами и то собиралась розовым, в коротеньких завитках, барашковым облачком, то стремительно падала и стыла над головой бирюзовыми волнами. Из присек, за исключением красного угла, расправив крылья, выглядывали головы херувимов, точь-в-точь такие, как на фряжских¹⁹ картинках; а на крыльце, по обе стороны двери, на кирпичных подставах, выкрашенных под тину, тянулись к небу два белых лебедя.

В воскресенье у повалуши собрались вотчинные людишки. С ними, опираясь на посошок, пришла и Клаша подивиться затеям рубленника.

Васька, сияющий, объяснял увлеченно толпе, как нужно вытесывать из камня и дерева фигуры зверей и птиц.

Увидав девушку, он, позабыв осторожность, бросился к ней и увлек на дальний луг.

– Попадись спекулатарю аль тиуну, – живым манером уволокут тебя к боярину постелю стелить!

Клаша покорно свесила голову:

– Выпадет долюшка человеку – нигде от нее не схоронишься.

И, меняя неприятный разговор, упавшим голосом поделилась последнею новостью:

– Спосылает меня тятенька с девками нашими за милостыней в губу.

Выводков оторопело захлопал глазами.

– Где же тебе покель дорогу держать? Не дойти тебе!

Она подняла на рубленника с глубоким чувством признательности глаза и, ничего не ответив, повела его в починок.

За трапезой Васька почти не коснулся похлебки и все время неприязненно хмурился.

Когда людишки ушли из избы, Онисим скривил насмешливо губы:

– Не допрежь ли сроку кичишься?

– Христарадничать?! Хворой?! – процедил сквозь зубы с присвистом рубленник.

У старика отлегло от сердца.

– А аз было на милость своротил господарскую. Эвона, пошто и не глазеешь на меня, старика! – С ласковой грустью он погладил Выводкова по широкой спине. – Нешто аз для своей лихвы? Нешто краше ей станется, коли на пашню погонят?

Васька присел на край лавки и в мучительном сомнении потер ладонью висок.

– А ежели челом бить князь-боярину?..

Старик понял, о чем хочет сказать холоп.

¹⁹ Фряги – немцы.

– Авось и подаст господь. Сказывают, старостой замыслил поставить тебя князь над рубленниками. – И, помолчав, нерешительно прибавил: – Доробишь хоромины – замолвь словечко. Может, и впрямь пожалует боярин без греха побрататься вам с Кланькою.

Васька вызывающе поглядел на Онисима.

– Утресь ударю челом! А тамотко поглазеем про грех!

Обратившись к иконе, старик набожно перекрестился и потом зашамкал:

– Особный ты, Васька. Поперек жизни норовишь все идти. Слыханое ли дело, чтобы лицом пригожая девка из-под венца напрямик в господареву постелю не угодила?

Оба притихли, подавив тяжелый, полный безнадёжности вздох.

* * *

С той поры, как ушла Клаша с девками христарадничать, Выводков так усердно работал, что вскоре Ряполовский пожаловал его старостою над рубленниками.

От повалуши к будущим хоромам протянулись обширные сени, а вертлявая, как ручей за починком, кленовая лесенка под тесовой кровлей вела в сенничек.

Вечеру как-то, с соизволения Симеона, боярыня повела дочь поглядеть постройку. За нею потянулись сенные девки и мамка. Впереди, на четвереньках, весело лая, подпрыгивала шутиха.

Широко раздув ноздри, Марфа слушала рассказы матери. В сенничке она сложила руки крестом на груди и стыдливо зажмурилась. Боярыня молитвенно уставилась ввысь.

– Благословит Господь сыном, – тут ему и постеля брачная будет с молодой женой.

Она привлекла к себе дочь.

– И у него, у суженого твоего, ряженого, тако же все содеяно. Поглазей-ко на подволоку.

Мамка поучительно пробасила:

– Та подволока завсегда тесовая деется, без сучка и задоринки.

Горбунья шлепнула себя гулко ладонями пониже спины и радостно завизжала:

– А на подволоке ни пылинки земли. Ни тебе духу земляного не сыщешь.

И, став на голову, забила в воздухе кривыми ногами.

Несильным ударом кулака боярыня повалила на пол горбунью и обратилась таинственно к дочери:

– Николи на подволоку в сенничке земли не сыпят. Чтоб, выходит, в первую ноченьку не углазели молодые над головами праха земного да, не приведи царица небесная, на смерть думушка не опрокинулась.

Из сенничка женщины прошли в подклет.

Боярыня изумленно остановилась на пороге и приказала кликнуть старосту, дожидавшегося со спекулатарем на дворе.

Васька трижды поклонился и, по обычаю, отвел лицо.

– А не люб мне подклет, холоп!

Задетый за живое, Выводков гордо взглянул в лицо Ряполовской. В то же мгновение спекулатарь наотмашь ударил его.

– Не ведаешь, смерд, что псам да смердам непригоже в очи глазеть господарские?!

Холоп слизнул языком хлынувшую из носа кровь и, чтобы сдержать гнев, изо всех сил впился ногтями в кисть своей левой руки.

Боярыня деловито огляделась по сторонам.

– Больно много простору в подклете твоём.

Сдушенно, по-чужому, заклокотали слова в горле старосты:

– Не казне тут положено князь-Симеоном быть, а людишкам жити.

Горбунья прыгнула к холопу и впилась зубами в его колено.

Марфа по-детски забила в ладоши и залилась счастливым смешком.

– Ты перст ему отхвати! За перст тяпни умельца-то!

И, когда горбунья, кувыркнувшись в воздухе, на лету захватила хряснувшими челюстями руку Выводкова и повисла на ней, боярышня застыла оцепенело. Яркая краска залила ее вытянувшееся лицо. Под опашнем часто и высоко вздымались дразняще пружинящие яблоки-груды. Перед повлажневшими глазами, точно в хмелю, запрыгал и закружился подклет.

Ряполовская прищкнула сердито на дочь и пнула ногою шутиху.

– А видывал ты, чтобы подклет для людишек теремом ставился?

И, уже визгливо, задыхаясь от гнева:

– Видывал, чтобы речет с выпью во едином гнезде гнездились?!

Сплюнув гадливо, она важно выплыла из подклета.

Поутру князь вызвал к себе холопа.

Васька узнал от спекулатаря, что боярыня виделась с мужем, и решил взять хитростью.

Смирненно выслушав брань, он чуть приподнялся с пола и заискивающе улыбнулся.

– Нешто не ведаю аз, что токмо господаревым разумением земля держится?

– А пошто смердам терема ставишь?

– Дозволь молвить, князь-господарь! – И – молитвенно: – По хороминам и подклет. Таки хоромины сотворю, – ни у единого другого князя не сыщешь! – С каждым словом он увлекался все более. – Самому великому князю не соромно таки хоромины на Москве ставить!

Симеон, захватив в кулак бороду, мерно раскачивался. Речь холопа пришлась ему по душе. Он уже отчетливо видел и гордо переживал восхищение соседей перед будущими хороминами, их зависть и несомненное желание купить или каким угодно средством выманить у него рубленника.

– Гоже! Роби, како сам умишком раскинешь.

Васька стукнулся об пол лбом и отполз к выходу.

– Токмо памятьуй: не потрафишь – на себя, умелец, пеняй!

Еще усерднее прежнего принялся Выводков за работу.

К концу месяца вернулась из губы Клаша.

Прежде чем поздороваться с гостьей, рубленник с гордостью объявил:

– Не зря хоромины ставлю.

Она обиженно надула губы.

– А мне и невдомек, что ты, опричь хоромин, не поминал никого.

Васька сжал девушку в железных объятиях своих.

– Ничего-то ты, горлица, не умыслишь! По хороминам и доля наша с тобой обозначится.

Он увлек ее в сарайчик и с воодушевлением рассказал о своей затее.

– Колико раз зарок давал рушить темницы холопыи...

– Ну и...

– Ну и рушу!

Девушка пытливо заглянула в его глаза.

– Не поднес ли тиун вина тебе ковш?

Выводков набрал полные легкие воздуха и шумно дыхнул в лицо Клаше.

– Опричь воды, и не нюхивал ничего. – Голос его задрожал. – Не можно мне глазеть на подклет и хоромины в вотчинах господарских. В хороминах и простору и свету, колико хочешь...

Клаша сочувственно поддакнула:

– Нешто не ведаю аз, что в тех подклетах впору не людишкам жить, а мышам гнезда вить?

Он высоко поднял голову и заложил руки в бока.

– И запала мне, Клашенька, думка таки хоромины сотворить, чтобы подклет с терем был, а терема чтобы вроде звонницы держались да и не рушились.

Девушка тревожно поднялась и перекрестилась.

– А не ровен час – рухнут хоромины?

Рубленник уверенно прицелкнул пальцами:

– Тому не бывать. Все по земле мною расписано.

Раздув торопливо лучину, он провел палкою по земле несколько линий.

– Ежели к тоей балке вторую таким углом приладить, вдвое крат выдержит на себе ношу.

Потому аз тако разумею: не силы страшись, а ищи ту середку, куда сила падает.

Один за другим обозначались на земле затейливые узоры и стройный ряд кругов и многоугольников.

По-новому, властно и вдохновенно звучали его слова.

Клаша ничего не понимала. Но она и не пыталась вслушиваться в смысл речей. Ей было любо не отрываясь глядеть в затуманенные глаза, отражавшие в себе такую безбрежную глубину, что захватывало дыхание и от сладкого страха падало сердце. Чудилось, будто уносилась она куда-то в неведомый край, где воздух синь, как глаза вошедшего в ее душу этого странного, так не похожего на других человека, где не видно земли и со всех сторон из-за прихотливых звездных шатров льются прозрачные звуки неведомых песен, таких же желанных, смелых и гордых, как его неведомые слова.

Васька неожиданно рассмеялся:

– Да ты никак малость вздремнула?

Она вздрогнула и прижалась к его груди.

– Сказывай, сказывай... – И, одними губами: – Радостно мне, Вася, и страшно...

– Страшно пошто?

– Памятую аз, еще малою дитею была. Приходил к нам умелец однова. Горазд был на выдумку особную – выращивать яблоки. А еще умел на воду наговаривать: покропишь той наговоренной водою кустик, николи мороз не одюжит его. Боярин заморские кусты держал, и ништо им: никаки северы не берут.

Выводков любопытно прислушался.

– И каково?

Она печально призакрыла глаза.

– Из губы приходили. Да суседи, князь-бояре с монахи, пожаловали. Дескать, негоже холопам больше господарского ведати. И порешили, будто умельство у выдумщика того от нечистого.

– Эка, умишком раскинули, скоморохи!

– Про умишко ихнее аз не ведаю, а человека того огнем сожгли.

Болезненно морщился огонек догоравшей лучины. На стенах приплясывали серые изломы теней. В щели скудно сочилась лунная пыль, в ней таял любопытно подглядывавший из-за кучи тряпья на людей притихший мышонок.

Васька взял девушку за подбородок.

– Авось меня не сожгут.

Она отстранила его руку.

– Не гадай ты, Васенька, долю.

И всхлипнула неожиданно.

Растерявшийся рубленник подхватил ее на руки и, как с ребенком, забежал с ней по сараю.

– Мил аз тебе аль не мил?

– Милей ты очей мне моих. И то, все думаю-думаю, каким приворотным зельем душу ты мою опоил?

Он сел на чурбачок и коснулся губами ее щеки.

– Поставлю хоромины – челом ударю боярину. – И с глубокою верою выдохнул: – За умельство мое отдаст мне князь тебя в женушки без греха.

Обнявшись, они трижды строго поцеловались, как будто сотворили обрядное таинство.

Выводков неохотно пошел из сарая. У выхода он задержался и поманил к себе застыдившуюся девушку.

– А ежели не отдаст без греха, – мне все дорожки в лесу – родимые. Уйдем мы с тобой в таки чащи дремучие, ни один волк не сыщет.

Он тревожно заглянул в ее глаза.

– Аль не пойдешь?

И уловив ответ по преданной, детской улыбке, победно потрянул головой и скрылся.

Глава шестая

Сын боярский Тешата изоброчил своих людишек двумя сотнями локтей²⁰ холста, контырем²¹ воску, батманом²² ржи и двадцатью рублями денег московских ходячих.

Воск холопи собрали за один день в лесу, в пчелиных дуплах. На другое утро людишки разбились на два отряда: женщины и малые дети ушли за подаванием на погосты и в город, а мужики двинулись к Хамовничьей слободе и, дождавшись тьмы, ринулись на грабеж.

Чем изоброчил Тешата своих холопей, тем и выплатили ему без остатка в недельный срок.

В убогой колымажке, нагруженной собранным добром, уехал сын боярский по вызову к недельщику²³.

Он не знал, зачем его вызывают, но, на всякий случай, запасся гостинцами.

Далеко от погоста Тешата остановил лошадь, выпрыгнул из колымажки и пошел сутулясь к серединной избе.

– Господи Иусе Христе, помилуй нас! – нараспев протянул он, низко кланаясь в двери.

– Аминь! – донесся в ответ сиплый басок.

Гость вошел в избу, трижды перекрестился на образа и коснулся рукою пола.

Хозяин сидел, уткнувшись кулаком в жиденькую бородку свою, и на поклон не ответил.

«Лихо, – болезненно скребнуло в сердце Тешаты. – Не зря, кат, закичился».

Однако он ни одним намеком не выдал своего беспокойства и, сохраняя достоинство, отступил к выходу.

– Мы, доподлинно, невысокородные будем, а и не в смердах рожденные.

Недельщик подергал бородавку свою и, подобрав рассеченную губу, захватил ею в рот жесткую щетинку усов. Сын боярский пристально вглядывался в лицо недельщика, тщетно пытаясь прочесть в бегающих паучках чуть поблескивающих зрачков причину вызова его на погост.

После длительного молчания хозяин пошевелил, наконец, в воздухе отставленным указательным пальцем.

– Быть тебе, человек, на правеже.

Он вздохнул и безучастно зажевал заслунявившиеся усы.

Гость по-собачьи прищелкнул зубами.

– Не боязно мне. Жил аз до сего часу по правде, и ни один человек не должен избидеть меня.

Недельщик осклабился:

– Ежели по правде живешь, князь-Симеону пятьсот рублей оберни.

Гость от неожиданности шлепнулся на лавку.

– Пятьсот?! Окстись, Данилыч!

Лицо его посинело, как у удушенника, и покрылось коричневыми пупырышками, а концы пальцев заныли, точно окунули их в ледяную воду. Перед ним предстал весь ужас грядущего.

Недельщик потянулся за шапкой.

– К окольникову²⁴ идем, человек.

²⁰ Л о к о т ь – десять вершков.

²¹ К о н т ы р ь – два с половиной пуда.

²² Б а т м а н – десять пудов.

²³ Н е д е л ь щ и к – вызывающий на суд.

²⁴ О к о л ь н и ч и й – судья.

Дружелюбная улыбка не сходила с лица.

– Быть тебе, человек, на правеже. Еще по Великой седмице болтали люди про пятьсот рублей.

Тешата ожесточенно растирал онемевшие пальцы и шумно пыхтел.

Едва недельщик взял шапку, он быстрым движением сполз с лавки и стал на колени.

– Данилыч! По гроб жизни молитвенником буду твоим. – И, слезливым шепотом: – В колымажке аз по-суседски гостинчик доставил.

Лицо хозяина сразу стало серьезней и строже. В сиплом баске послышался оттенок участия:

– Ты сядь, человек. Потолкуем по-божьи.

Пошарив за пазухой, сын боярский достал узелок.

– Не взыщи.

Он отсчитал десять рублей и положил их на стол.

– А в колымажке холст, да колико воску, да ржица.

Данилыч недовольно покрутил носом.

– А холст-то, выходит, твои людишки разбоем у хамовников взяли?

– Что ты, Данилыч!

Тешата повернулся к иконам.

– Прими... Зернышка для себя в избе не оставил... Токмо что для окольного приберег. – И, отставив два пальца, клятвенно прошептал: – Ежели одюжу боярина, всех людишек продам, до денги²⁵ тебе принесу, да еще две чети²⁶ пашни твоих.

Горько вздохнув, недельщик примиренно махнул рукой:

– Ладно уж... Токмо для тебя чем сила будет, уж послужу.

К вечеру Тешата и Данилыч приехали в город.

У окольного в избе, низко согнувшись, стоял отказчик из вотчины Ряполовского.

Окольный пересчитывал сложенные в стопочки деньги. Холоп отвесил земной поклон.

– Не трудись, господарь. Денга в денгу – тридцать рублей.

Но окольный только зло покрутил головой и продолжал кропотливый счет.

Недельщик взглянул в оконце и замер от зависти и восхищения. Тешата робко терся подле холопей, перетаскивавших из колымаги в подклет гостинцы.

Стрелец просунул голову в полуоткрытую дверь:

– Боярского сына приволокли.

Не отрываясь от денег, окольный приказал позвать недельщика.

Данилыч шагнул через порог и сочно причмокнул.

– Ты бы подсобил, Данилыч, чем зря глазеть. – И, с таинственной улыбкою: – Слюни-то подбери. Чай, и тебе доля тут полегла.

Покончив со счетом, окольный выделил несколько стопочек для недельщика, а остальные сгреб в мешочек и хлопнул в ладоши.

– Веди подъячего и сына боярского, – бросил он сонно появившемуся у двери стрельцу.

Заломив больно руки, слушал Тешата, как читает подъячий ссудную запись. На его выпуклом лбу проступил крупными каплями пот. По короткой шее вертляво скользила вздувшаяся синяя жила.

– Повинен ты в том, что по сроце не вернул ссуду князю-боярину.

– Облыжно, осударь, оговорил меня тот Симеон. Николи ссудной кабалы мы с ним не писали.

Подъячий хихикнул в кулак и неожиданно плюнул в лицо Тешате.

²⁵ Д е н г а – полкопейки.

²⁶ Ч е т ь – поддесятины.

– Не вели печенегу²⁷ бесчестить меня!

Стрелец и отказчик схватили Тешату за руки.

Окольничий топнул ногой.

– Ежели перстом шевельнешь, в железы обряжу!

Подьячий обиженно сморщился.

– Бесчестить честного можно. А сей по делом своим, яко та блудница. Глаголет же мудрость: плюй в очи блуднице, она же рече: се в очесах моих плювия²⁸ Божия.

Пришибленный взгляд сына боярского тщетно бегал по лицам, ища защиты. Но никто не обращал на него больше никакого внимания. Взоры всех были устремлены на подьячего, выводившего на твердой волокнистой бумаге постановление.

Окольничий, прежде чем подписать грамоту, повернулся к образам и прочел молитву. Остальные молча перекрестились. Тешата стоял, прислонившись бессильно к стене, и ждал решения. Точно продолжая молитву, в один скорбный лад, окольничий объявил, что с должника взыскивается вся ссуда с приростом.

Лютый гнев охватил оговоренного.

– Отдай мшел²⁹, христопродавец! – заревел он и вцепился в горло недельщику.

Данилыч ловким движением вырвался, юркнул за спину стрельца и смиренно опустил глаза.

– Не гневаюсь аз на сего человека за потварь. Се он не от умишка, а от кручины потварит на меня.

В ту же ночь Тешата пошел колымагою на Москву с челобитною.

Но в Москве, в приказе, его не приняли. Изо дня в день приходил он к порогу приказной избы и простаивал там до позднего вечера.

Наконец, над ним сжалился один из подьячих и, отозвав в сторонку, полюбопытствовал, какие привез он с собою дары.

Жалобщик воздел к небу руки.

– Видит бог, все отдал недельщику и окольничему!

Подьячий присвистнул.

Ожесточенно дергая головой, Тешата горячо рассказывал о сотворенной над ним неправде.

Сложив руки крестом на груди, подьячий строго прищурился.

– Да ведомо тебе будет до скончания живота, что всяк окольничий в губе от московского приказа поставлен творить волю великого князя.

Махнув рукою на все, оговоренный вернулся с сопровождавшим его стрельцом в губу.

Окольничий не пожелал слушать его и выслал на двор подьячего.

– Волю аз по обычаю древлему тяжбу нашу с Симеоном разрешить единоборством, – вызывающе объявил Тешата, глядя куда-то в пространство.

– Добро, – похвалил подьячий и оттопырил презрительно губы. – Охоч аз поглазеть, како поборются худородный с боярином.

* * *

Тешата продал все, что было в его усадьбе. Однако, подсчитав деньги, он понял, что на них не удастся ему подкупить бойца. Его людишки несколько раз пытались нападать на посады, но их всюду ждала неудача. Стрелецкие головы обыкновенно, из боязни вызвать гнев

²⁷ Печенег – лизоблюд.

²⁸ Плювия – дождь.

²⁹ Мшел – взятка.

вотчинника, смотрели сквозь пальцы на грабежи боярских холопей. Тут же они отдали строгий приказ неотступно следить за деревушкой Тешаты и не допускать разбоя.

Пришлось скрепя сердце продать часть людишек и добрую половину земли.

Накануне борьбы оговоренный передал бойцу все свои деньги и ссудную кабалу, по которой обязался выплатить в два года двести рублей.

Боец сунул деньги за пазуху и сжал, как тисками, в своей руке руку Тешаты.

– Не кручинься и веруй.

Он хвастливо выгнул железную грудь и так стукнул ногой, что на голову хозяина упала сорвавшаяся с гвоздя икона и с шумом, точно от порыва буйного ветра, широко распахнулась дверь.

– Не бывало такого, чтоб уж орла одолел!

* * *

В Ольгин день торжественно служили попы молебен о даровании победы князь-Симеону.

Сам Ряполовский с женой не поднимался во все время службы с колен и ревниво бил поклон за поклоном.

Перед выходом из церкви боярыня передала протопопу парчовую плащаницу, расшитую ею самой.

– А ну-ка-тко, пускай Тешата такую жертвою пожалует Сына Божьего, – шепнула она с кичливой улыбкой мужу и набожно перекрестилась.

– Пошли, Господи, врагам погибель.

На лугу, перед палатами Ряполовского, собрались людишки со всех деревень и починков. В стороне, тесно держась друг около друга, неуверенно переминались холопы Тешаты. Посреди луга, на высоком помосте, убранном медвежьими шкурами, на резном кресле работы Выводкова важно развалился князь Симеон. Ниже его уселись двое соседей-бояр, за ними – окольных, а по краям – дьяк и подьячие.

Бойцы, дожидаясь сигнала, не спускали глаз с тяжущихся.

Едва боярин взмахнул плетью, окольный вскочил и громовым голосом обратился к бойцам:

– Колико ведомо всем, по обычаю древлему, егда не по мысли кому, каково тяжба в приказной избе утвердилась, дадено тому царевыми милостями соизволение требовать с того приказы бойцов. И бысть тако: кой боец одолеет, той тяжбщик и прав перед Господом. И положил приказ двух бойцов: Шестака – Тешате, князь же Симеону – Беляницу. А одолеет Шестак – правда Тешаты, а по Белянице – за князем верх.

Непривычный к долгим речам и чувствуя, что весь запас слов истекает, он сдвинул брови и погрозил бойцам кулаком:

– Вы, псы смердящие! Ужо аз покажу! Нелицеприятно, верой боритесь!

Ряполовский во второй раз хлестнул плетью. То же проделал Тешата.

По толпе прокатился нетерпеливый гул и оборвался.

Бойцы схватились. Лица их налились кровью. На бритых затылках багровыми канатами переплелись тугие жилы.

Тешата лязгнул зубами и пробился вперед.

– Кадык перекуси проваленному! Хрясни его по харе богопротивной!

При каждом удачном ударе он подпрыгивал высоко, хлопал испуганно в ладоши и пугал окружающих похрюкивающим хохотом обезумевшего человека.

– Кадык проваленному!

Из-под изодранных красных рубах бойцов проглядывали окровавленные клочья мяса. На изуродованных лицах страшною черною маскою запеклись сгустки крови.

Беляница вдруг зашатался и, вскрикнув, выплюнул сквозь раздувшиеся пузырями губы два зуба.

Шестак уловил мгновение и пригнулся, готовый нанести противнику решительный удар.

Ряполовский схватился за голову. Окольничий подошел к нему и с таинственной улыбкой что-то шепнул.

Но князь, начинавший терять веру, обдал его едкой слюной.

– Да эдак Шестак Беляницу моего одолеет! Да кат вас всех побери, неужто мой мшел мене Тешатинского?!

Дьяк испуганно подвинулся к боярину.

– Не велегласно, государь, – негоже. – И, с твердой уверенностью: – Не печалься, боярин. Все по чести идет. А знаменье покажу – Шестак абие ниц упадет.

Бойцы катались по земле, тянулись ногтями в глаза, тыкались пальцами в зубы, стремясь разодрать друг другу челюсти. Толпа выла и рокотала, каждым суставом своим подражая движениям бойцов. Казалось, стоило подать сигнал, и все эти возбужденные до последних пределов люди ринутся и на бойцов, и на господарей, не пощадят ни чужих, ни своих.

Симеон потерял остатки терпения. Он отчетливо видел, что Беляница с каждым мгновением задыхается.

– Знаменье! – властно запрыгали мясистые губы его. – Знаменье! Каты!

Дьяк торопливо сбежал с помоста и, вырвав из рук стрельца ведро с водою, облил бойцов.

– Остудитесь, угомон вас возьми! – улыбнулся он, отступая.

Беляница вскочил неожиданно и ударил противника ногой под живот.

Шестак заревел, заметался по кругу и пал на колени.

– Виноват, казни, князь-боярин! – взмолился он, протягивая окровавленные руки в сторону Ряполовского.

Тешата со стоном рухнул наземь.

Симеон ликующе сошел с помоста.

– Одеть его в железы! – приказал окольничий, ткнув плетью в Тешату.

Под бурный смех хозяина и гостей сына боярского уволокли в подвал.

Князь на радостях шлепнул ладонью тиуна по голове:

– Готовь пир пировать да кликни в трапезную боярыню с дочкой.

Глава седьмая

Скованного Тешату уволокли в посад, на торговую площадь, и поставили в одну линию с преступниками, приговоренными к правежу.

Дьяк повернулся к восходу, осенил себя широким крестом и, перелистав судебник, прочел:

«А кто виноват, солжет на боярина, или на окольного, или на дворецкого, или на казначея, или на диака, или на подьячего, а обыщется то вправду, что он солгал, и того жалобщика, сверх его вины, казнити торговою казнию (бити кнутьем) да вкинути в тюрьму».

Узник понурился и молчал. Дьяк ударил его по лицу кулаком.

– Реки аминь, басурмен!

Лицо сына боярского перекошилось от ненависти.

– Не ведаю в том вины за собой, что боярин облыжно потварь возвел.

Дьяк подал знак и отошел.

Два ката внимательно оглядели батоги, пощупали их так, как гусяр пробует гусли, прежде чем ударить по струнам, и полоснули по обнаженным икрам Тешаты. В то же мгновение зловеще свистнул в воздухе лес батогов.

Горячими жалами впились ремни в ноги людей, поставленных на правеж.

К месту казни не спеша сходились посадские. Они привычно следили за головокружительными, едва уловимыми взлетами бичей и батогов, не выказывая никакого участия к совершаемому, и только когда стоны казнимых становились невыносимыми, немногие незаметно крестились под одним рядком и уходили.

При первых же криках из клетей с веселым гиканьем высыпали полуголые ребятишки. Обгоняя друг друга, спотыкаясь и падая, они неслись по широким, вонючим улицам к торговой площади.

Подьячие расталкивали локтями толпу и пропускали детвору наперед.

– Тако со всяким сотворят, кой кривдой живет, – поучительно обращались они к ребятишкам и многозначительно поглядывали на взрослых.

На краю торгового орава подростков затеяла игру в правеж. Толпа позабыла об избиваемых и с наслаждением любовалась потехой.

Шуточные камышовые батоги весело посвистывали в умелых руках и сухо чавкали по ногам.

– Ревя! – подбивали посадские.

– Без боли не заревешь! – хохотали подростки.

Мужики бросили на круг горсточку медяков.

Жадно разгоревшимися глазами щупали играющие деньги, но не решались поднять их.

Наконец, выступила небольшая группка ребят.

– Токмо не дюже! – предупредили они, сжав медь в кулачки.

Потешные каты откинули камыш и взялись за настоящие батоги.

– Не дюже! Не дюже! – уже в самом деле ревели избиваемые не на шутку подростки.

Истомившаяся от повседневной скуки толпа надрывалась от хохота.

– Секи на весь мой алтын! В мою голову вали, пострелята!

Дьяки с пеной у рта набросились на ребят и разогнали их.

– Из-за гомону вашего со счету мы сбились, сороки! – И, к катам: – Сызначалу почнемте!

Икры Тешаты разбухли колодами. Отвратительными клочьями висела на них побуревшая кожа. Казнимый не мог уже держаться на ногах; его подвязали к козлам и продолжали порку до тех пор, пока не выполнили полностью положенное число ударов.

К концу обедни пытка окончилась. Бесчувственного сына боярского вновь заковали и уволокли в боярскую вотчину.

Ряполовский, выпавшись, по незыблемому обычаю русийскому, после обеда, приказал вывести заключенного из подвала.

– Изрядно пьян ты, Тешата, коли великое ноги твои имут кривлянье!

И, грозно, холопам, поддерживавшим узника за локти:

– Пустите, смерды, сына боярского!

Тешата зашатался беспомощно и упал кулем под ноги князя.

– А и впрямь добро попиrowал.

Отступив, Ряполовский шутиливо поклонился до самой земли.

– Не покажешь ли нам милость – пятьсот рублей с приростом по чести отдать?

Узник с трудом уперся ладонью в землю и чуть приподнялся.

– Тучен ты больно, боярин! Не разорвало бы тебя от рублей моих.

– На дыбу его!

Короткая шея боярина до отказа втянулась в плечи.

– На дыбу! – И забился в удушливом кашле. Тающим студнем подплясывали обвислые щеки, подушечки под глазами от напряжения взбухли подгнившими сливами, а из носа, при каждом выдохе, с присвистом вылетали и лопались мыльные пузырьки.

Холопи стояли позади, не смея пошевелиться. Обессиленный князь перевел, наконец, грузно дух.

– Квасу!

Тешату потащили в подвал. Вскоре оттуда донесся сухой хруст костей.

Ряполовский оттолкнул поднесенный холопом ковш и истомно зажмурился.

К нему подошел отказчик.

– Не пожаловал бы ты, господарь, людишек сына боярского к себе на двор согнать?

Боярин погрозился шутиливо:

– Гоже бы по чести творить.

Он расплылся в самодовольной улыбке и оскалил желтые тычки зубов.

– Чуешь, хрустит?

– Чую, осударь.

И с трудом выдавил на лице угодливую усмешку.

– Были бы косточки, а хруст для тебя, князь-боярин, завсегда обретется.

Симеон расчесал короткими пальцами бороду, взял ковш и, гулко глотая, опорожнил его.

– Погожу, покель сам в ножки поклонится! – нарочито громко крикнул он, чтоб было слышно в подвале, и, заложив за спину руки, пошел вразвалку к достраивающимся хоромнам. – Бери, дескать, все с животом³⁰, токмо помилуй! Ху-ху-ху-ху!

Васька встретил боярина, распластавшись на крылечке, подле сеней.

– Скоро ли, староста, палаты поставишь?

Выводков поднялся с земли.

– Почитай, готовы без малого. – И, сделав движение к хоромам, согнулся дугой. – Не покажешь ли милость на кровлю взглянуть?

Ряполовский поднялся по винтовой лесенке на кровлю. За ним скользили тенями спекулятор и староста.

С нескрываемым восхищением любовался князь шатрами-башнями, осторожно ощупывая причудливую резьбу по углам.

Рубленник скромненько потупился.

³⁰ Ж и в о т – холопи.

– С благословения твоего, господарь, сведем мы шатры бочками да окожушим решети-
нами мелкими.

– Роби, како помыслишь.

Они прошли в терема. Староста с каждой минутой все более смелел, забывая разницу
между своим положением и боярским, и держался почти как равный.

– Тут, в чердаках³¹, мы окна сробим. А для прохлады твоего – гульбища³², балясами ого-
роженные. Таки, князь, хоромины будут – малина!

Уходя, Симеон милостиво протянул старосте руку для поцелуя и, сосредоточенно уста-
вившись в небо, тупо обдумывал, какой бы подать холопю, хотя бы для видимости, совет. Он
уже начинал сердиться и, чтобы как-нибудь вывернуться, топнул ногой.

– Все ли упомянул?

Едва скрывая презрительную усмешку, Выводков отвел лицо и приложил руку к груди.

– Все, господарь.

Князь неожиданно щелкнул себя по лбу и сразу заметно повеселел.

– Эка, упамятовал! Ты прапорцы³³ сrobi на краях чердачных!

Рубленники кончали работу. Завидя боярина, они дружно упали ниц.

Князь устало спустился в подклет.

– А пошто скрыни не сроблены?

Староста собрал морщинками лоб.

– Ни к чему скрыни холопям.

– Хо-ло-пям?

Глыба живота Ряполовского ходуном заходила от смеха.

– Смердов хоромами жаловать?!

Чувствуя, что вместе с нарастающим раздражением к груди подступает порыв кашля,
боярин присел на чурбак и осторожно, открытым ртом, вобрал в себя воздух.

Спекулятор бросился из подклета и тотчас же вернулся с ковшом, полным кваса.

– Испей, господарь!

Симеон пригубил ковш и натруженно встал.

– Завтра же скрыню поставить!

Невеселый шел Васька в починок. Сиротливо болтался за спиною оскорд и глухо звякали
на поясе большие ножи.

Клаша поджидала рубленника на огороде. Он присел на меже подле девушки и закрыл
руками лицо.

– Об чем ты?

Выводков согнул по-старчески спину.

– Зря палаты те ставлю...

Голос его задрожал и оборвался.

– Аль не любо боярину?

При упоминании о Ряполовском рубленник точно очнулся от забытья и, вскочив, неочи-
данно разразился жестокой бранью.

Клаша гневно рванула его за плечо.

– По костре стосковался?

Он грубо ее оттолкнул.

– Спалю, а тамо пускай со мною творят, чего пожелают!

³¹ Ч е р д а к – терем.

³² Г у л ь б и щ е – балкон.

³³ П р а п о р ц ы – флюгера.

Ткнувшись подбородком в ладонь, девушка молча пошла к избе отца. В склоненной на полудетское плечико голове ее, в медлительности шага и чуть вздрагивающей, точно от скрытых рыданий, спине, в тонких изломах всей стройно вылепленной фигурки было что-то до того скорбное и умильное, что у Выводкова, помимо воли, сразу растаял гнев.

– Клаша!..

Лицо его вытянулось и потемнело. Пальцы судорожно щипали русый пушок бороды.

– Не гневайся на меня, бесноватого!..

И, двумя прыжками догнав девушку, благоговейно приложился к шелковому завиточку, непослушно выбившемуся из-под холщовой косынки.

– Не гневаешь ты меня, а кручинишь.

Васька уселся на землю и привлек к себе слабо упиравшуюся Клашу.

– В подклете-то не людишкам быть, а казне. Эвона, како князь обернул.

Она безразлично пожала плечами.

– По моему бы, по девичьему умишку, не все ли едино, где холопу голодную ночь ночевать?

Выводков растерянно захлопал глазами. От простых и спокойных слов девушки ему стало вдруг как-то не по себе.

– А и впрямь, – глухо вытолкнул он из груди, – подклет аз подгонял под хоромины, а пузо холопы не сдогадался замуровать.

– И не кручинься, выходит.

Они умолкли, задумчиво уставившись в тихие сумерки. Над головами неслышно закружилась воронья и устало облепило серую тень придорожной черемухи. Сквозь раскинутый по небу прозрачный покров там и здесь желтыми бабочками ложились звезды.

– Ишь, добра колико! Чать, всю губу прокормишь горохом тем, – болезненно усмехнулся рубленник.

– Грезится тебе, Вася!

– Кой грезится! Ты поглазей, колико пораскинуто в небе золотого горошку.

Клаша укоризненно покачала головой и незло пожурила:

– Охальник ты!

Над вздремнувшим ручьем мирным стадом овец клубился туман. Из-за леса, шурша приметой травой, подкрадывался влажно вздыхающий ветер.

– В избу пора, – поежилась от сырости девушка.

Васька неохотно поднялся.

– Пошел бы аз в лес, да николи не обернулся сюда.

Она ласково прижалась к нему.

– Аль попригожей место сыскал?

– И сыщем! Неужто с тобой доли не сыщем?

И, снова усевшись, Выводков спрятал голову у нее на груди.

– Возьмем мы с тобою на Волгу путь. Слыхивал аз, живут там холопи при полной волюшке да веселье.

Клаша перебирала длинными, тонкими пальцами, пропахнувшими землей и свежей зеленью, его шершавые кудри и о чем-то мечтала.

– Чуешь, девонька?

– Чую, Васек... Токмо... с отцом како быть?.. За нас с тобой забьет князь отца-то...

Васька присвистнул:

– Како, выходит, ни кружи, а дале курганов-то этих нету нам, холопам, дороги.

Неуверенно, точно рассуждая вслух с самой собой, Клаша предложила вполголоса:

– Нешто прикинуть отца подсоседником к твоим старикам?

Губы Васьки передернулись горькой усмешкой.

– Были старики, да все вышли...

– Померли?

– Мать померла, а отец...

Он махнул рукой.

– Да чего тут и сказывать!..

Но сейчас же горячо зашептал:

– Живали мы под Муромом-городом. А пожгли нас татары, отец, с нужды, закабалил сестренку мою за сыном боярским Колядою. Ну, после того подался со мной в будный стан отец смолу варить да лубья драть. Токмо не вышло: перехватил нас отказчик боярской. А прослышал тот отказчик, что не охочи мы в кабалу идти, а и наказал холопам вязать нас. Тут и грех недалече. Отстоял аз свою волю оскордом. Почитай, от головы отказчиковой и следу-то не осталось.

Клаша передернулась от скользнувшего по душе острого холода.

– Тако и загубил человека?

– Загубишь, коли тебя, яко волка, норовят закапканить. – Он встал и строго уставился в небо. – Негожий обычай спослал Господь кабалою людишек кабалить.

Не помня себя от ужаса и возмущения, девушка истово перекрестилась:

– Не вмени ему, Господи Сусе... Не вмени ему в грех!

Резким взмахом руки Выводков отстранил ее от себя.

– Нету тут греха перед Господом! Не хулу возвожу, а печалуюсь! Поглазел бы он, показал бы нам милость, на холопей своих!

Из груди рвались полные горького возмущения слова. Он не слушал умолявшую его остановиться девушку и ожесточенно кричал в далекое звездное небо, выкладывая немой пустоте все накипевшее горе.

По дороге поползли какие-то странные тени. Клаша зорко вгляделась в мглу.

– Гомонят... – шепнула она испуганно и припала к меже.

Рубленник взялся за оскорд.

– Никак тятенькин голос? – удивленно пожала плечами девушка.

– Не подходи! – замахнулся староста.

Старик попятился в сторону.

– Онисим аз. Аль не признал? – И, поддразнивая: – Милуетесь, голубки? А аз упрел, вас, охальников, сдожидаючись. – Он подошел ближе. – Людишки наши в посад задумали путь держать, для прокорма, а вы тут челомканьем кормитесь.

Васька заторопился:

– Коль идти, и мы не отстанем.

Губы старика коснулись уха холопя:

– Отказчик, сказывают, веневской тут бродит. Пытает, не охоч ли кой пойти в кабалу к вотчиннику Михаилу.

Охваченный неожиданным сомнением, рубленник судорожно стиснул в руке оскорд.

– Ужо не Клашу ли ты затеял продать?

Старик зло окрысился:

– Пораскинъ-ко умишком, соколик. Хлеба-то второе лето нюхом не нюхали – раз; продавали допрежь зерно алтын за четверть, а ныне князь-бояре положили тринадцать алтын – два, выходит... – Он хлопнул себя по бедрам и сплюнул. – Да чего тут и сказывать. Нешто счесть все недохватки холопы?!

Выводков пронизывающе взглянул на девушку.

– За тобой, Клаша, молвь.

Она растерянно переминалась, не решаясь высказать свое мнение.

– А ежели отказчик тот девок ищет для опочивален боярских? – с присвистом процедил рубленник. – Ежели на погибель дочь отдаешь?

Онисим перекрестился:

– Чему Богом положено быть, то и сбудется. – И с пришибленной покорностью покачал головой: – Да и не все ли едино, где постелю стелить: в Веневе ли аль у князь Симеона.

– Замолкни!

И Васька упал в ноги Онисиму.

– Бога для потерпи. Дороблю хоромины – челом ударю боярину. Авось обойдется, да отдаст он мне Клашеньку без греха...

Обливаясь слезами, Клаша припала к сухой руке отца:

– Перегодил бы, отец...

Онисим растроганно прижал к себе дочь.

– Пошто и не перегодить.

Выводков вскочил, сгреб в объятья старика и трижды поцеловал его из щеки в щеку.

Глава восьмая

Лица Тешаты не было видно – оно обросло дремучею бородой. Ключья волос торчали во все стороны, точно утыканные репейником колючки бурьяна. Из черных провалов под мохом бровей мертво проглядывали пустые зрачки. Под железными обручами, туго перехватившими шею и руки, копошились белые зерна могильных червей. Перегнившие остатки потерявшей цвет епанчи обнажали перебитые ребра и бурые язвы на волосатой груди. Узник был прикован к стене и мог двигать лишь головой и едва касающимися земли разбухшими колодами ног.

Каждое утро сына боярского расковывали и волокли в посад на правеж. Трупный запах приводил в исступление катов. Чтобы поскорее избавиться от пытаемого, они озверело били его по икрам и то и дело, будто невзначай, изо всех сил наносили удары по голове.

Наконец, Тешата не выдержал.

– Все отдаю... И себя... и живот... – задыхаясь объявил он пришедшим за ним катам.

Был праздник. Князь собирался в церковь, к обедне. Тиун и полдесятка холопей помогали ему обряжаться.

На крыльце дожидалась толпа людишек, сопровождавших постоянно боярина в церковь.

Ряполовский надвинул на брови высокую шапку из черно-бурой лисицы с тиарою, поправил на голой шее ожерелье и расставил широко руки. Тиун напялил на него шелковый зипун до колен и торопливо взял с лавки кончиками пальцев кафтан.

Обрядившись в подбитую мехом и разукрашенную золотыми галунами земскую ферязь, Симеон надел камлотовый охабень, накинул поверх него однорядку и, постукивая серебряными подковами расшитых жемчугом сафьяновых сапог, вышел на двор.

Едва появился он на крыльце, холопи пали наземь.

Отказчик стал на колени.

– Тешата челом тебе бьет, осударь.

– Неужто не издох еще гад проваленный?

– Жив, государь. Сохранил Господь душу для покаяния.

Боярин нахмурился. Жирная складка на багровом затылке свисла на ожерелье, полуприкрыв верхний ряд изумрудов.

– Не Господь, а лукавый!

Отказчик стукнулся оземь лбом.

– А аз холопским разуменьем думку держал, что сжалился Господь над смердом для тебя ради, князь. Чтобы можно ему быть в холопах твоих да зреть силу твою могутную.

Симеон дернул носом и, польщенный, забрал в кулак бороду.

– Не басурмены и мы. Для ради Христа – снимаю железы с Тешаты и жалую его холопом своим.

Подумав, он прибавил твердо:

– Людишек его нынче же согнать ко мне на двор!

Узника спустили с желез и унесли в починок, в избу Онисима.

В тот день не пошла Клаша к обедне. Она остригла больного, вымыла горячей водой и, изодрав единственную рубаху свою на длинные полосы, кропотливо перевязала раны.

Сын боярский доверчиво поддавался девушке и, несмотря на невыносимую боль, не проронил ни единого стона.

Онисим натаскал в сарай свежего сена и, с помощью дочери, уложил Тешату на душистой постели.

В первый раз за долгие месяцы больной поверил в возможность выздоровления. Об утраченной воле и разорении как-то вовсе не думалось. Да и можно ли еще чего желать, когда каждым мускулом и суставом своим чувствуешь, как радостно бежит по жилам согревшаяся

вдруг кровь и как заморским вином вливается в душу и воскрешает ее пьяный аромат неподдельного, так недавно еще казавшегося навеки утраченным, чистого воздуха.

На просвечивающемся лице, точно солнечные лучи в застоявшейся лужице, скользнул бледновато-грязный румянец, а ввалившиеся глаза подернулись мягким счастливым теплом.

Встать бы сейчас, стремглав броситься в широкое поле, захлебнуться в вольных просторах и кричать так, чтобы вся земля клекотала, как могуче клекочет в груди радость жизни!

Тешата сжал кулаки и приготовился крикнуть. Он не заметил, что, вместо крика, в горле бурлит какой-то странный и жуткий смешок, и только тогда пришел в себя, когда очнулся от надрывных рыданий.

Онисим ушел в церковь, а Клаша принесла Тешате ломтик заплесневелой лепешки, поднесенной ей накануне рубленником.

– Откушай. В воде помочи и откушай. Настоящая, изо ржи.

Он отстранил ее руку и взволнованно перекрестился.

– Воистину херувима зрю среди смердов!

Хмельной от воздуха и разморенный после еды, Тешата заснул. Девушка на носках ушла из сарая и занялась по хозяйству. Для праздника она решила попотчевать рубленников гусем, добытым в последний набег на посад.

Зажав в кулак голову птицы, Клаша заглянула в сарай. Сын боярский болезненно взвизгивал и тяжело стонал во сне. Она вышла, растерянно оглядываясь по сторонам. На улочке не было ни одного мужика: все разбрелись по окрестным посадкам за милостыней и в церковь.

Гусь трепетно бился в руках, рвался на волю. Клаша сунула за пазуху нож и уселась в лопухе у дороги. Вскоре она увидела медленно шагавшего к ней из леса Ваську.

– С гусем тешишься? – улыбнулся рубленник, поравнявшись с девушкой, и бросил к ее ногам зайца. – Тепленькой. Прямехонько из силка.

– Зарезать некому гуся того. Ушли мужики, – пожаловалась Клаша, протягивая полузадохшуюся птицу.

Он подразнил ее языком.

– Неужто гусенка не одолеешь?

Клаша надулась.

– Все-то вы до насмешек охочи. Моя ли вина в том, что опоганится живность, ежели ее не человек, а девка или баба заколет?

Выводков звонко расхохотался.

– Аль и впрямь опоганишь?

– Отстань ты, охальник!

И сунула ему в руки птицу.

– Покажи милость, приколи ты его, Христа ради.

Холоп облапил тоненький стан девушки и увел ее за поленницу.

– Держи-ка его, милого, промеж колен. А подол эдаким крендельком подбери.

Подав свой нож, он шутливо притопнул ногой.

– Секи!

Клаша зажмурилась и упрямо затрясла головой.

– Не можно... Избавь... От древних людей обычай тот – не резать бабе живности.

Рубленник помахал двумя пальцами перед лицом своим, творя маленький крест.

– Заешь меня леший, коли единый человек про то проведает.

Нож вздрагивал в неверной руке, пилякая залитое кровью горло гуся. Жалость к бьющейся в предсмертных судорогах жертве и страх перед совершенным грехом смешивались с новым, доселе неведомым чувством к рубленнику.

Вытерев о лопух руки, Клаша почти с гордостью запрокинула голову. То, что мужчина, в первый раз за всю ее жизнь, дерзко насмеялся над обычаем старины и что она, с относительной

легкостью, попрала этот обычай, – вошли в нее шальным озорством и неуловимым осознанием своего человеческого достоинства.

К полудню вернулись из церкви рубленники и тотчас же уселись за стол.

Клаша подала лепешек из коры и пригоршню лука.

Наскоро помолясь, холопи набросились на еду.

– Погодите креститься, – лукаво предупредила девушка, – еще для праздника похлебку подам с гусем да зайцем.

Ее вдруг охватило мучительное сомнение.

«Абие набросятся на меня!» – подумалось с ужасом.

Васька ободряюще подмигнул и показал головой на рубленников, вкусно прихлебывающих похлебку.

После трапезы холопи вышли на двор и, зарывшись в сене, заснули.

* * *

Прямо из церкви Симеон прискакал в новые хоромы свои с гостем, князь-боярином Прозоровским.

Гость, пораженный, замер на пороге обширной трапезной.

– Каково? – кичливо шлепнул губами хозяин.

– Доподлинно велелепно! Мне бы умельца такого – ничего бы не пожалел.

И с опаской провел по крышке стола, на которой были вырезаны искусно стрельцы, преследующие ушкалов³⁴ татарских.

– А не сдастся тебе, Афанасьевич, что смерд твой с нечистым спознался?

Ряполовский вобрал в голову плечи и подавил, по привычке, двумя пальцами нос.

– Споначалу сдавалось. Токмо у того оплечного образа крест целовал холоп на том, что споручником ему – един Дух Свят.

Он развалился в дубовом кресле и ткнул с важной небрежностью пальцем в ларец.

– Трех холопей найдобрых отдам, коли откроешь потеху.

Насмешливая улыбка шевельнула гладко приглаженные усы Прозоровского. Он уверенно рванул крышку, но тотчас же отскочил в страхе.

– Пищит!

Князь побагровел от гордого самодовольства и заложил победно руки в бока.

– И мне сдастся – пищит!

Гость вытянул шею и приставил к уху ладонь.

– Пищит, Афанасьевич!

– И то, Арефьич, пищит!

Хозяин придвинул к себе ларец, отогнул нижнюю планку и нажал пружину. Что-то зашипело внутри по-гусиному, попримолкло и разлилось мягким, бархатным звоном. Из приподнявшейся крышки ящика высунулась игрушечная голова скомороха.

Прозоровский бросился в сени. В суеверном ужасе он зачертил в воздухе круги и, не помня себя, закричал:

– Не нам, не вам, – дьяволовым псам, а нашему краю – яблочко рая! Унеси! Богом молю... Не нам, да не вам... Христа ради сгинь, окаянный!

Симеон захлопнул крышку.

– Мы еще и не такие умельства умеем. Ты бы показал милость, Арефьич, в опочивальню б зашел.

Гость просунул голову в дверь и угрожающе сжал кулаки.

³⁴ У ш к а л – наездник.

– Не унесешь антихристовой забавы – абие скачу к себе в вотчину!

И отпрянул в угол, когда Симеон, не скрывая торжествующей радости, поплыл с ларцем из трапезной.

– Садись, Арефьич. В скрыню потеху упрятал аз. Да ты опамятуйся.

Унизанная алмазами тафья сползла на оттопыренное ухо хозяина. В беззвучном смехе вздрагивали дрябленькие подушечки под глазами и волнисто колыхалась убранный серебристою паутинкою борода.

Они уселись на широкую лавку, наглухо приделанную к стене.

Арефьич приподнял тафью и вытер ладонью лысину.

– Был Щенятев у Курбского.

Симеон торопливо приложил палец к губам.

– Неупокой-то у меня сгинул. Думка у меня – не он ли в подклете в те поры шебуршил.

Прозоровский поджал желтые тесемочки губ.

– Других холопей сдобудешь.

– Не про то печалуюсь. Боязно – вот что. Не подслушал ли молви он нашей да на Москву языком не подался ли?

Гость вылупил бесцветные глаза и крикнул от удивления.

– Ты и не ведаешь ничего? – И, рокочущим шепотком: – Пришел тот Неупокой к Матвею Яковлеву, дяку.

Симеон вздохнул так, как будто только что миновал неизбежную, казалось, гибель.

– К Яковлеву, рассказываешь, дяку? – Он откинулся к стене и по-ребячьи подбросил ноги. – Эка ведь могучна Москва и колико в ней разных дорог, а угодил так пес куда положено.

Прозоровский степенно разгладил бороду и с расстановкой откашлялся:

– А и к Миرونу Туродееву угораздил бы, – одна лихва. А и у Кобяка да у Русина – тоже не лихо нам. Что пчел в дупле, то и людей наших на той Москве. – Хихикнув, Арефьич уже громко прибавил: – Взяли в железы Неупокоя да на дыбе косточки разминали. Чать, уставши с дороженьки молодец. А и с дыбы спустивши, порадовали: дескать, ходит слух от людишек – спознался ты, смерд, со языки татарские.

Они по-заговорщицки переглянулись и, кривляясь, прищелкнули весело пальцами.

– Будет оказия – спошлю Матвею в гостинец мушерму чистого серебра.

Арефьич дружески похлопал хозяина по колену.

– Будет оказия! Така, Афанасьевич, оказия будет...

Он встал, неслышно подвинулся к двери, с силой толкнул ее и, убедившись, что никто не подслушивает, растянул губы.

– Курбской к Володимиру Ондреевичу захаживал.

– Да ну?

– Вот те и ну! И не токмо захаживал, а и крест обетовал целовать от земских бояр.

Тяжело отдуваясь, Симеон встал и отвернулся к окну. Тычки его зубов выбивали мелкую дробь; по спине суетливо скользил развороченный муравейник, а пальцы отчаянно колотили по оконному переплету.

Гость заерзал на лавке.

– А ежели лихо – не кручинься: уйдем на Литву.

Передернувшись гадливо, он грохочуще высморкался.

– Краше басурменам служить, нежели глазеть на худеющие роды боярские. – И, выкатывая пустые глаза, стукнул по лавке обоими кулаками. – Не быть жильцам³⁵ выше земщины! К тому идет, чтобы сели безродные рядом с князьями-вотчинниками! А не быть!

³⁵ Ж и л е ц – дворянин, изредка заседающий в думе.

– А не быть! – прогудел клятвенно в лад Ряполовский. – Живота лишусь, а не дам бесчестить рода боярского!

Арефьич притих и скромно опустил глаза.

– Живот, Афанасьевич, покель поприбереги, а сто рублей отпусти.

Весь пыл как рукой сняло у хозяина.

– Исподволь, Афанасьевич, для пригоды собирает князь Старицкой казну невеликую. Авось занадобятся, упаси Егорий Храбрый, и кони ратные да пищали со стрелы.

– Где же мне таку силищу денег добыть?

– А ты ожерелье... Да не скупись – не для пира, поди.

И, запрокинув вдруг голову, повелительно отрубил:

– Володимир Ондреевич, Старицкой-князь, показал милость мне, Курбскому и Щенятеву изоброчить оброком бояр для притору³⁶ на божье дело.

Сутулясь и припадая немощно на правую ногу, поплелся Симеон к подголовнику за оброком, коим изоброчил его Старицкой-князь.

³⁶ П р и т о р – расход.

Глава девятая

Пользуясь властью старосты, Васька посылал Онисима на такие работы, в которых принимал участие сам, и неотступно следил за каждым шагом его. Он знал, что венецкий отказчик бродит по округе, подбивая холопей идти в кабалу к тульским боярам, и не надеялся на старика, обезмочившего от лютой нужды.

– Не выдержит, – скрипел зубами староста, испытующе поглядывая на Онисима, – продаст Клашеньку в кабалу.

Каждый раз, когда неожиданно исчезали из деревушек парни и девушки, Выводков твердо решал пасть князю в ноги и вымолить согласие на венец.

Но дальше курганов он никогда не заходил. Вся решимость рассеивалась, едва вдалеке показывались хоромы боярские. Недобрые предчувствия гнали его назад, к починку, ближе к своим. Возбужденное воображение рисовало картины, полные мрака и ужаса. Сердце падало при мысли о том, что прямо из церкви, после венца, его жену уведут в подклет для того, чтобы ночью запереть в опочивальне Симеона. Жестокая ненависть охватывала все его существо.

– Поджечь, – хрипел он, до боли сжимая железные кулаки. – Свернуть ему шею! – Но в мозгу тысячами молоточков насмешливо отдавались бессилие и безнадежность борьбы со всемогущим боярином.

С каждым днем Онисим становился мрачнее и замкнутее. Он почти не разговаривал с Васькой, а при встречах с дочерью терялся, робел или, без всякой причины, набрасывался на нее с кулаками и бранью.

Выводков не знал, что предпринять. Перед ним было, как казалось ему, три выхода: бежать с невестой в леса, просить боярина отказаться от своего права на первую ночь с молодой – или выдать старика, затеявшего в последние дни шашни с отказчиковыми людишками.

Первый выход представлялся самым удобным и легко выполнимым. Но его резко отвергла Клаша.

– Уйдем, – заявила она, – а что с тятенькой сробит князь? Не можно мне грех смертный принять на себя.

В Успеньев день рубленник неожиданно объявил невесте:

– Иду к боярину тому толстопузому. Вечор споручил он мне все енды и мушермы расписать резьбою пригожею да посулил за робь за мою пожаловать меня всем, на что челом буду бить.

Глаза его блеснули робкой надеждой.

Клаша по-матерински перекрестила жениха и без слов ушла из клетки в сарай.

Тешата очнулся от шагов и продрал слипшиеся красные веки.

– Лехшает аль не дюже?

Сын боярский ослабился.

– Како помелом всю хворь повымело. Токмо ноженьками покель еще маюсь.

И кулаком расправил усы.

– Пошто далече присела? Шла бы ко мне.

Девушка доверчиво подвинулась. Худая, вся в кровоподтеках, рука жадно обвилась вокруг ее шеи. Шелковый завиток, упавший на матовый, выпуклый лоб, забился золотистыми лучиками под мужским дыханием.

– Улыбнулась бы хворому!..

Ей стало не по себе от взволнованного шепота и горящих, как у кошки, зачужавшей добычу, зеленоватых зрачков.

– Тако, девонька, пришлось сыну боярскому (он особенно подчеркнул последние слова) в кабалу угодить.

Рука ту же сжимала шею; пальцы, будто невзначай, шарили по плечу и ниже, к упругим яблокам груди, а губы страстно жевали медвяно пропахнувший шелковый завиток.

Клаша осторожно отвела его руку и попыталась подняться.

Тешата лязгнул зубами и зарычал:

– Сиди!

Не в силах больше сдержаться, он навалился на девушку.

– Выйду, с Господней помощью, из кабалы – первой постельницей тебя пожалую!

– Не займай! Закричу!

Возившийся на дворе подле изломанной колымаги Онисим услышал голоса и заковылял к сараю.

Сын боярский неохотно выпустил девушку.

– А и норовиста царевна твоя! Ей бы не в починке жить, а кокошник носить!

С дороги донесся оглушительный визг.

– Скоморохи! Лицедействовать будут! – с трудом разобрала выскочившая на улицу Клаша и стремглав бросилась за промчавшейся стаей ребят.

Обильный луг перед усадьбою Ряполовского до отказа набился толпой. Девки побросали доски³⁷. Парни на лету прыгали с качелей. Точно по невидимой команде на полуслове оборвались говор, песни и смех. Только неугомонная детвора не могла сдержаться и, приплясывая, в тысячный раз делилась друг с другом новостью, рдея от неизбытного счастья:

– Скоморохи пришли! Лицедействовать будут!

Боярышня прилипла к оконцу. Шутиха, изображавшая пса, шаром катилась по светлице и заливчато лаяла.

Сенные девушки поползли на коленях к боярыне.

– Отпусти к лицедеям.

Марфа оторвалась от оконца и капризно всхлипнула:

– Да и меня повела бы потешиться!..

Горбунья забила ногою в бубен и прыгнула на лавку.

– Распотешь, боярыня-матушка!

И, метнувшись к двери, лающе крикнула:

– Дозволь с челобитною к господарю поскакать.

Пелагея оттолкнула дочь и бросилась к белилам. Шутиха уже приплясывала перед тиуном и скулила. Антипка важно выслушал просьбу и развалисто, подражая боярину, направился к терему Симеона.

Ряполовский, узнав о приходе скоморохов, сам заторопился на луг.

– Охальства не было ли в светлице? – спросил он порядка ради, напяливая кафтан.

Холоп закатил глаза.

– Грех напраслину возводить. Добро живет.

На лугу закипела работа. Рубленники спешно ставили помост для боярина.

Когда батожник свистом бича возвестил о выходе господарей, помост уже был готов.

Окруженные сенными девушками, на потеху, почти бегом, спешили Пелагея и Марфа. За Ряполовским гуськом тянулась вереница холопей.

Выводков пополз навстречу боярину, трижды стукнулся о землю лбом, выхватил у холопа кресло и сам установил его на помосте.

– Добрый смерд, – довольно шепнул жене Симеон. – Тьму³⁸ рублей при нужде возьму за него у Арефыча.

Васька услышал шепот и зарделся от вспыхнувшей надежды.

³⁷ Д о с к и – доски на бревне, на которых в праздник раскачивались девушки.

³⁸ Т ь м а – десять тысяч.

Развалясь в кресле, князь взмахнул рукой.

Один из скоморохов тотчас же перекувырнулся в воздухе. За ним, сверкая побрякушками и многоцветными лоскутами, с улюлюканьем, звериным рычаньем и диким хохотом закружились шуты. Взвыли сурьмы³⁹, дудки, сопелки. Все смешалось в бешеной свистопляске. Старик, с перепачканным в сажу лицом и кривыми рожками, выбивающимися из-под высокого колпака, стал на четвереньки. Хвост, болтавшийся по земле, стал собираться вдруг колечками и свернулся на спине змеею. На самом конце его высунулось огромное, расщепленное жало. Две светлые точки по бокам жала взбухли, налились кровью и зло заворочались. Крадучись, к старику подошел косматый, обросший с головы до ног мохом, – леший. Кто-то изо всей силы ударил в накры⁴⁰. По желтой траве побежали в разные стороны водяные русалки и ведьмы. Хвост старика с присвистом взвился к помосту.

Боярыня в страхе спряталась за спину мужа. Симеон прирос к креслу.

Снова ухнули сурьмы. Прежде чем толпа успела опомниться, исчезла нечистая сила, и перед помостом пали ниц одетые в длинные саваны девушки. Часть из них, горбатые, безглазые и хромые, повалились одна на другую, выросли в чудовищную, беспокойную глыбу и, окруженные скоморохами, посбрасывали рубахи.

Ряполовский вопросительно поглядывал на жену и не знал, рассердиться ли или одобрить лицедеев.

– Сплясать для господарей! – запетушился старик и, точно крыльями, взмахнул руками.

Под грохот барабанов, медных рогов, гуслей, волюнок, непристойно перегибаясь, двинулись один на другой два ряда скоморохов.

Притаившийся за помостом поп сокрушенно покачал головой:

– Позоры некаки со свистаньем, и кличем, и воплями блудными!

Князь увлеченно следил за пляской, с каждым новым движением лицедеев забывая все более свой сан. Напыщенное величие сменилось выражением детской радости на лице. Когда же пары переплелись, изображая свальный грех, он не выдержал и, притопывая ногами, приказал пуститься в пляс всем холопам и девкам.

Поп вцепился пальцами в свою бороду.

– О, лукавые жены многовертимое плясанье! Ногам скаканье, хребтам вихлянье! Блудницы!

И, не отрывая жадного взора от шутов, угрожающе крикнул боярину:

– Аще бо блуду споручествуешь, неотвратно будешь пещись в огне преисподней!

Пораженный дерзостью попа, Ряполовский в первое мгновение до того растерялся, что хотел было подать знак холопам прекратить пляс. Но, охваченный вдруг буйным порывом бесшабашного озорства, скатился с помоста.

– Пляши!

Поп съезжился и ухватился за балясы.

– Пляши! – уже властно крикнул Симеон.

Тиун и отказчик подхватили попа и толкнули в толпу. Скоморохи с воем набросились на него и, раскачав, высоко подкинули над головами.

Князь закатился жужжащим смешком.

– Вот то плясанье! Вот то не в причет скоморохам!

Пелагея умоляюще взглянула на мужа.

– Беды не накликать бы...

– А ты сама бы распотешила муженька!

³⁹ С у р ь м ы – трубы.

⁴⁰ Н а к р ы – литавры.

Ожившая боярыня, подобрав ферязь, вразвалку спустилась с помоста и взмахнула платочком. За ней, верхом на шутихе, поскакала боярышня.

Уже солнце садилось, когда усталый боярин возвращался с потехи в хоромы.

Выводков и Клаша подстерегали его у тына. Едва Симеон приблизился ко двору, девушка юркнула за тын, а Васька неподвижно распластался на усыпанной, по случаю праздника, желтым песком дорожке.

Батожник подскочил к рубленнику.

– Прочь!

И больно ударил батоном по ногам.

Ряполовский остановился.

– Аль печалуешься на что?

Васька привстал на четвереньках и вытянул шею. Губы его задрожали и не слушался голос.

– Сказывай, коли дело.

Полуживой от страха, Васька сделал отчаянное усилие и пропустил сквозь щелкающие зубы:

– Пожаловал бы побрататься мне с Кланькой Онисимовой.

Князь сладенько ухмыльнулся.

– Пляскою раззадорила?

– Божьим велением, господарь.

подавив привычно двумя пальцами нос, Симеон уставился в небо.

– Сробишь у князь-боярина Прозоровского хоромины да мне двадцать рублей московских подашь, в те поры и молвь держать будем.

Он благодушно ткнул носком сафьякового сапога в подбородок опешившего холопа.

– А в опочивальню ко мне, покажу тебе милость, ране венца допущу к себе девку твою.

Уничтоженный и жалкий, плелся Васька в починок. За ним безмолвною тенью шагала Клаша. Она ни о чем не спрашивала. Землистое, каменное лицо и стеклянный взгляд жениха говорили ей без слов обо всем.

Онисима они не застали в избе. Рубленник беспомощно огляделся и уставился зачем-то пристально в растопыренные свои пальцы.

– Куда ему занадобилось хаживать к ночи?

Она смущенно отвернулась и что-то ответила невпопад.

Выводков сжал руками виски.

– Таишь ты, Клаша, умысел лихой от меня.

По лицу его поползли серые тени.

Девушка едва сдерживала рыдания.

– Не судьба, видно, Васенька... Не судьба нам век с тобой вековать...

Точно оскордом ударили по голове покорные эти слова.

– А не бывать вам в Вене!

И выбежал из избы.

Ряполовский готовился к вечеру, когда тиун доложил о приходе старосты.

Прежде чем Симеон позволил войти, Васька распахнул с шумом дверь и упал на колени.

– Господарь! В лесах твоих отказчики вневские бродят! Колико ужо девок увезено...

Ныне добираются и до нашей избы.

Князь вне себя рванулся из трапезной.

– Доставить! – гудел он, задыхаясь от гнева. – Или всех на дыбу!

Васька опомнился, когда ничего уже сделать нельзя было. Он не вернулся в починок и остался на ночлег в лесу, в медвежьей берлоге, о которой никогда не говорил раньше Клаше.

Сознание, что им преданы старик и любимая девушка, вошло в душу несмываемым позором. Нужно было что-то немедленно сделать, чтобы предупредить несчастье и искупить иудин грех.

Он мучительно искал выхода и оправдания своему необдуманному поступку.

«Не в погибель, а во спасение упредил аз боярина», – вспыхивало временами в мозгу, но тотчас же гасло, сменяясь непереносимой болью раскаяния.

* * *

Вооруженные дрекольями, секирами и пищалями, темною ночью крались лесом холопи. На опушке они растянулись длинной темнеющей лентой. Сам Ряполовский, окруженный тесным кольцом людишек, отдавал приказания.

Лента всколыхнулась, выгнулась исполинской подковой. Края ее потонули в черных прогалинах.

Встревоженный медведь, учуяв близость людей, взревел и поднялся на задние лапы. Где-то всплакнула сова. Из-за густых колючих кустарников там и здесь остро вспыхивали волчьи зрачки.

Подкова бухла, сжималась плотней и таяла в чаще.

В дальней пещере мигнул огонек догорающего костра.

Ряполовский взволнованно шепнул что-то тиуну. Холоп собрал пригоршнею ладони у рта и крикнул дикой уткой.

Услышав сигнал, людишки построились петлей, затянувшиеся вокруг пещеры...

На рассвете у курганов рыли холопи могилы. По одному бросали в яму связанных полоняников.

Отказчик венецкий вцепился зубами в руку тиуна и тянул его за собою в могилу.

Озверелый боярин полоснул сопротивляющегося ножом по затылку.

– Хорони!

Рядом с курганами вырос свежий, гладенько прилизанный холм...

Васька, измученный бессонной ночью и неумной тоской, забылся в беспокойном полубреду. Рядом с ним лежала вырезанная из сосны фигура девушки. То была незаконченная статуя Клаши, плод его работы, оберегаемой в страшной тайне от всех.

Глава десятая

Ряполовский перекрестился и стал на колени перед киотом.

– Господи, услыши молитву мою! Услыши мя, Господи!

Смиренно склонился отяжелевший шар головы, и с каждым вздохом безжизненно вскидывались сложенные на животе руки.

Тиун стоя, сквозь дремоту, повторял обрывки слов.

Перекрестившись в последний раз, князь кулаками расправил усы и пошевелил в воздухе пальцами.

Антипка ткнулся головой в дверь. Сквозь щелки слипающихся век любопытно проглянули зрачки. Холоп ясно почувствовал, как колеблются под ногами и проваливаются в пустоту половицы. Кто-то теплый и ласковый, в мглистой бархатной шубке, слизнул ступни, голени и легким дыханием своим коснулся груди. Странно было сознавать и в то же время так тепло верилось, что ноги и туловище становятся с каждым мгновением прозрачней, тают в неизбывной истоме, а голова погружается в пышную, пуховую тьму.

Пальцы боярина нетерпеливо пошевеливались и раздраженно прищелкивали.

Тиун ослабилась. Тот, неизвестный, в бархатной шубке, подпрыгнул и шепнул что-то на ухо.

«Тварь, – подумал добродушно холоп, – а молвит по-человечьи».

– Антипка! – по-змеиному зашуршало где-то близко, у ног, и ударило больно о голову, спугнув сразу сон.

Тиун с размаху ткнулся губами в ладонь Симеона.

– Милостивец! Измаялся ты от забот своих княжеских!

Ряполовский повис на руках у холопа. В постели он безмятежно потянулся всем грузным телом своим и крикнул самодовольно:

– Волил бы аз поглазеть на вотчинника венецкого в те поры, когда поведают ему про отказчика.

И, приподнявшись, трижды набожно перекрестился.

– Упокой, Господи, души усопших раб твоих идеже праведнии упокоются.

Припав на колени, Антипка проникновенно поглядел на образа.

– Господарю же нашему милостивому пошли, Господи, многая лета на радость холопам!

Он приложился к ступне боярина и скользнул озорным взглядом по мезиву лоснящегося лица.

– Сдается мне, осударь, неспроста Васька про отказчика сказывал.

Князь поскреб пятерней поясицу и лениво приоткрыл глаза.

– Не иначе, князь, Онисим замыслил с девкой той на Венев дорогу держать.

Рот боярина широко раздался в судорожной зевоте.

– А мы попытаем маненько Онисима, – сочно вдохнул он в себя и прищелкнул зубами.

Антипка наклонился поближе к уху, готовый еще что-то шепнуть, но Симеон уже запойно храпел.

* * *

Утром Василия вызвали к князю.

В трапезной, на столе, были аккуратно разложены чертежи различной резьбы – оконной, дверной и стенной. Ряполовский получил их через Щенятева от приезжавших в Московию фряжских умельцев.

Симеон подозрительно оглядел холопа.

– Сказывай, староста, коей милостью спорадовать тебя за службу за верную?
Выводков не понял и неопределенно пожевал губами.

– Не твои бы очи, увел бы отказчик Онисима с девкой.
Счастливая улыбка порхнула по лицу холопа и застыла трепетною надеждою в синих глазах.

– А за службу мою, господарь, одари великою милостью.
Он прижал руки к груди и с молитвенной верой уставился на боярина.

– Сказывай, староста, сказывай!

– И весь сказ-то короткий. Ушла бы в Венев, загубил бы тот князь девку Онисимову. Вся надежа на тебя, осударь. Токмо при тебе быть Кланьке женой мне.

И, упав на колени, облобызал ноги князя.

– Отдай Клашеньку без греха!

Симеон милостиво потрепал кудри холопа и кликнул тиуна.

В улыбающихся глазах Ряполовского Васька прочел свой приговор. Он едва сдержался, чтобы не закричать от охватившего все его существо бурного счастья.

Тиун неслышно появился на пороге.

Не спеша, вразвалочку, пройдясь по терему, князь взял со стола чертежи.

– Мыслью аз, не убрать ли узорами чердаки.

И, прищурившись, долго водил пальцем по затейливым извивам, засыпая рубленника вопросами.

Васька нетерпеливо слушал; не думая, отвечал все, что приходило на ум, – только бы поскорее кончить и вернуться к главному.

Взгляд его случайно упал на тиуна, перемигнувшегося с боярином. Он насторожился, охваченный роем тяжелых сомнений.

Отобрав чертежи для чердаков и трапезной, Симеон передал их Выводкову.

– Нынче же и почни. А к ночи поглазеем на умельство твое.

И, щелкнув себя по лбу, деловито обратился к тиуну:

– Запаятовал-то аз, болтаячи, про старика.

Он подавил двумя пальцами нос и насупился.

– За сговор с веневским отказчиком перед всеми людишками, чтоб никому не повадно было, казнить того Онисима казнию, а девку взять в железы!

Пергамент вывалился из рук холопа. Он ухватился за стол, чтобы не упасть. Но это длилось мгновение. Поток расплавленного свинца хлынула к груди кровь и залила мозг звериным гневом. Какая-то страшная сила толкнула к боярину.

Он метнулся к порогу, за которым только что скрылся князь, и налег плечами на дубовую дверь.

Из сеней донесся хихикающий смехок.

– Не обессудь, староста. Крепок запор господарской!

– Убью! – заревел рубленник и изо всех сил забарабанил кулаками в дверь. Тиун продолжал смеяться.

– Потешься, родименькой, покель голова на плечах. Пошто не потешиться доброму человеку!

У окна появились вооруженные бердышами дозорные.

Выводков метался по трапезной, как волк, попавший в тенета.

Вдруг он притих и насторожился.

«Пускай! Пускай в землю зароет живьем! – четко и уверенно билось в мозг. – Токмо и аз ему не дам живота!»

И едва вошло в душу решение, стало сразу спокойнее.

Усевшись на лавку, рубленник принялся подробно обдумывать план своей мести.

Все представлялось ему до смешного возможным и простым: вечером придет боярин; за ним, у двери, вытянется безмолвно тиун. Нужно будет упасть на колени, а нож держать вот так (он сунул руку за пазуху). И, разогнувшись, вонзить клинок в рыхлый живот по самую рукоять. И все. Нешто может быть проще?

Умиrotворенная улыбка шевельнула усы и скорбными морщинками собрала вытянутое лицо.

«Не то попытать еще...» – Задумчивый взгляд скользнул по подволоке, нечаянно задержавшись на большом железном крюке, и оборвал мысль.

Васька испуганно встал и невольно зажмурился.

«Почудилось! – срывающимся шепотом передернулись губы. – Откель ему быть?»

Но и сквозь плотно закрытые глаза с болезненной ясностью было видно, как кто-то крадется по стене к крюку с веревкой в руках.

Рубленник прыгнул к неизвестному и схватил его за плечо.

– Не надо! Не надо! Не надо!

А веревка уже обвилась вокруг шеи. И странно – вся боль и все ощущение близкой кончины передавались не тому, криво улыбающемуся неизвестному человеку (это Васька чувствовал с несомненной ясностью), но давили его самого, окутывая мозг густым туманом.

Выводков на четвереньках отполз к противоположной стене. Рука зашарила нетерпеливо по опояске. Пальцы, путаясь, долго развязывали неподдающийся узел, а замороженный взгляд ни на мгновение не отрывался от подволоки. Еще небольшое усилие, и конец кушака повиснет на ожидающемся крюке.

Умиrotворенный покой сладкой истомой охватывал тело.

«Еще немного, и навсегда, до страшного Христова судища, запомнят аз и себя, и Онисима, и ее...»

Но не успело в мозгу сложиться имя невесты, как сразу рассеялся могильный туман и исчезли призраки.

– Так вот она – ласка боярская! – поднимаясь во весь рост, процедил жестко рубленник. – Так вот она – служба верная!

Жалко согнувшись, он присел на край лавки и так оставался до полудня.

Мысль о самоубийстве уже не тревожила. Думалось только о том, что нужно выручить во что бы то ни стало Клашу. Один за другим оживали рассказы странников и беглых людишек о вольнице запорожской, о волжских казаках и разбойничьих шайках, что таятся в непроходимых лесах и грабят на больших дорогах торговые караваны.

«Туда! Туда с нею бежать! Нынче же ночью выручить из полона и увести!»

Как выручить девушку – не представлялось отчетливо. Но это и не нужно было ему. Важно было раньше всего самому вырваться поскорее из трапезной, а там все сделается само собой.

Васька бочком подобрался к окну. Перед глазами раскинулась вся, до последних мелочей знакомая ему, усадьба.

Он зло сжал кулаки.

«Не аз буду, ежели голову не отсеку боярину, а вотчину со всем добром в полыме не размету!»

Когда загремел засов и в трапезную вошел Антипка, рубленник уже с видимым спокойствием выводил на двери углем мудреные наброски птиц, стараясь точно придерживаться фряжских подлинников.

К вечеру, в сопровождении вооруженных холопей, явился боярин. В стороне, с восковой свечой в вытянутой руке, согнулся подобострастно Антипка.

– Робишь?

Васька отвесил поклон.

– Роблю, господарь!

Симеон одобрил наброски и приказал выдать умельцу овсяную лепешку и луковицу.

Выводков благодарно припал губами к краю княжеского кафтана.

Ряполовский прищурился.

– Ласков ты, смерд! – И, к Антипке, строго: – Зря, видно, болтаешь! Отпустить его в починок ночь ночевать.

Став на колени, рубленник стукнулся об пол лбом.

– Воистину херувимскою душой владеешь, князь-осударь!

Ваську отпустили в починок, приказав двум дозорным следить за ним.

Не спалось Выводкову в опустевшей без Клаши избе. Он то и дело выбегал на улицу и там, ожесточенно размахивая руками, страстно жаловался на свое горе кремешной тьме, как будто дожидался от нее утешения.

Перед рассветом ему удалось забыться в сарайчике, рядом с похрапывающим Тешатой.

Но сын боярский только притворялся, что спит. Он слышал все, о чем вполголоса кручинился рубленник безмолвной мгле.

Полные горечи и злобы к боярину жалобы пробудили в нем притихшие было мысли о мести и вновь всколыхнули вверх дном смятенную душу.

Не дождавшись, пока холоп проснется, Тешата осторожно толкнул его в плечо. Васька испуганно раскрыл глаза.

– Тише... Се аз... Тешата.

И, придвинувшись вплотную, неожиданно поцеловал соседа в щеку.

Рубленник принял поцелуй как знак сочувствия своему горю. Сердце его наполнилось глубокой признательностью.

– Ты... тебе...

Нужно было сказать что-то такое, чтобы сразу отблагодарить сторицею за его теплую ласку, но на ум приходили такие бесцветные и пустые слова, что Васька только вздохнул глубоко и, махнув безнадежно рукою, примолк.

Сосед наклонился к его уху.

– А что затеял, – бог порукой, аз во всем на подмогу пойду.

И, почувствовав, что холоп недоверчиво уставился на него, простер руки к небу.

– Перед Пропятым... Обетованье даю перед Пропятым не быть в деле твоём соглядатаем и языком, но споручником.

Он трижды перекрестился.

– Веруешь?

Выводков мужественно потряс его руку.

– Верую.

Обнявшись, они возбужденно зашептались о чем-то.

* * *

Было за поддень. Выводков заканчивал дверную резьбу, когда его внимание привлекли резкий звон накров и барабанный бой.

– Не до скоморохов, – недовольно поморщился он и подошел к окну.

С поля, с починок и деревеньки спешил на выгон народ. Через двор двое холопей несли боярское кресло. Окруженные санными девушками, важно выплывали боярыня с дочкой.

В трапезную ворвался тиун.

– Не слыхивал сполоха, что ли?!

И скрылся так же поспешно, как и пришел.

Васька готов был перенести любую пытку, только бы не быть на суде боярском над Онисимом. Но боязнь навлечь подозрение заставила его идти на выгон.

Сгорбившись и качаясь из стороны в сторону, из погреба вышел старик.

Батожник огрел его изо всех сил батогом.

Узник вздрогнул, слезливо заморгал и поплелся к помосту, где восседал уже князь. Батожник непрестанно подгонял его батогом.

Затаив дыханье, стояли потупясь людишки. Нужно было напрячь всю силу воли, чтобы выжать на лицах тень улыбки. Спекуляторы и языки не спускали глаз с толпы и всех, в ком подмечали сочувствие Онисиму, нещадно секли бичами.

Старик остановился перед Ряполовским, расправил слипшуюся бороду, снял шапку и, кряхтя, опустился на колени. Марфа весело фыркнула:

– Поглазей, матушка! У смерда-то така шишка потешная на макушке от батога!

И, достав из кузовочка, привешенного к горбу шутихи, горсть орешков, бросила их в Онисима.

– Нос подставь, по носу норовлю тебя, смерд, попотчевать!

Симеон по-отечески пожурил боярышню:

– Эка ты прытка у меня!

Шумно дыша и еле сдерживаясь, чтобы не броситься на Ряполовских, притаился за спинами людишек Васька.

Боярин встал, перекрестился с поклоном и снова опустился в кресло.

Холопи тотчас же пали ниц. Узник распластался у подножия помоста.

– Встань! – раздраженно прогудел Симеон и, облокотившись о спину тиуна, ударил Онисима носком сапога по переносице.

Шутиха всхлипывая залаяла, завертелась волчком и прыгнула верхом на старика.

– Господарь многомилостивой! Пожалуй мне, червь смердящему, тот сапог почеломкать!

– Сгинь!

Ряполовский повернулся к жене:

– Приладила бы ты ее, покель аз тружусь, кривой ногой к перекладине!

Шутиха бросилась кубарем к терему. По знаку Пелагеи сенные девки, во главе с Марфой, пустились вдогонку.

Как только горбунью поймали и, заткнув рот, привязали к суку осины вниз головой, все вновь затихло.

Боярин высокомерно оглядел старика.

– Охоч, выходит, ты, смерд, до Венева?

Узник молчал.

– Знать, пришились Ряполовские не по мысли тебе?

Свесив безжизненно голову, Онисим глухо прошамкал:

– Все единственно для холопей, у кого кабалой кабалиться. А токмо и у тебя, господарь, дочь единая... Кому и попечаловаться, как не тебе.

Симеон так встряхнулся, как будто сбросил со спины давившую его непосильную ношу.

– Ну вот, и суд весь... Спокаялся, смерд!

И, погрозив толпе кулаком, брызнул слюной.

– Потешим мы вас Веневом. Внуцатам закажете, како бежати от князь-боярина Симеона!

Он забился в приступе рвотного кашля, но, едва передохнув, загудел еще оглушительнее:

– Всем псам в поущение – разбить проваленному пятки и держать в железах, покель не подохнет!

Глава одиннадцатая

Два дня висел Онисим, прикованный к частоколу. На третий – Ряполовский сжалился над ним и приказал спустить с желез.

Было тихое воскресное утро. На погосте благовестили к ранней обедне. Кучка холопей собралась при дворе в ожидании князя, который должен был проехать в церковь.

Едва показалась боярская колымага, людишки бухнулись в дорожную пыль и отвратили лица.

– Дозволь, господарь, за прокормом сходить. Кой день хлеба не видывали!

Ряполовский подавил двумя пальцами нос и, приказав гнать лошадей, на ходу крикнул:

– Покель Онисима не схороним, всем быть при вотчине!

Во все время службы князь был крайне взволнован, часто заходил в алтарь, шептался с попом и требовал, чтоб тот сократил обедню.

Едва служба отошла, спекулятары и батожники погнали холопей на кладбище.

Полуживой, со связанными крестом на груди руками, стоял у свежевырытой могилы Онисим. Его поддерживали двое людишек, обряженных в кумачовые рубахи и в остроконечные алые колпаки.

В светлице, приникнув к оконцу, боярыня тщетно пыталась что-либо разглядеть на кладбище. Князь не внял мольбам жены и не позволил присутствовать женщинам на казни и похоронах.

В углу, уткнувшись распухшим от слез лицом в колени мамки, ревела Марфа. Изредка, чтобы разрядить обиду, она больно царапала лицо шутихи.

Симеон, печальный и строгий, низко поклонился Онисиму.

Один из катов торопливо зажег сальный огарок и вставил его между пальцев приговоренного.

Толпа у тына расступилась. Батожник гнал на кладбище Клашу.

Увидев отца, девушка с причитаниями бросилась ему на шею. Острый и горячий, как пчелиное жало, удар бича заставил ее отступить.

Князь подал знак. Клашу поставили на колени.

Поп осенил себя крестом и, подавляя вздох, вслух прочитал:

– Иже по плоти братие мои, и иже по духу сродницы мои, и друзи...

Склонившись к девушке, он упавшим голосом предложил ей повторять за ним слова ирмоса.

Захлебываясь от слез, Клаша упрямо трянула головой.

Перед ее носом завертелся тяжелый кулак тиуна.

– Не подмоги ли сдожидаеться?

Поп сдвинул пальцами нагрудный кипарисовый крест и обратил к небу худенькое лицо свое.

– ...и обычнии знаемии плачете...

Сухо пощелкивая мелкой перламутровой пилкой зубов, Клаша дробно и жутко выкрикивала сквозь рыдания:

– ...и обычнии знаемии плачете...

Холопи усердно и часто крестились, творя про себя молитву. Впереди всех стоял князь и вместе с Клашей повторял за попом:

– ...воздохните, сетуйте: се бо вас ныне разлучаюся...

Покончив с отходной, боярин приблизился к Онисиму.

– Радуйся, ибо отходишь ты в живот вечный не по-басурменски, а по чину Христову.

И, повернувшись к людишкам, предостерегающе погрозился:

– Одначе да не повадно будет вам: ежели и дале замыслите в бега бегать, перед истинным обетование даю казнить без креста и молитвы!

Каты, под вздрагивающие возгласы попа, повели приговоренного к виселице.

Безропотно и смиренно шел Онисим на смерть. Только перед тем, как на его шею накинули петлю, он пошарил подслеповатыми глазами в толпе и, нащупав дочь, стынувшим шелестом благословил ее...

Васька снял с петли труп, обрядил его в свою епанчу и с помощью Тешаты положил тело в новенький гроб.

Под глухой стук комьев земли о крышку гроба, поп скороговоркой читал, глотая слезы:

– Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечного преставившегося раба твоего Онисима... Правда твоя, правда вовеки... Аминь!..

Выводков подполз к Клаше.

– Уйдем... Уйдем отсель, Клаша...

И, не сдерживая подступивших к горлу слез, приник к ее голове, уткнувшейся в свежую насыпь.

– Уйдем!

Холопи нетерпеливо дожидались знака боярина, чтобы уйти поскорее от проклятого места.

Боярин расслабленно поднялся с колен и, стерев перепачканной в земле пятерней с лица пот, уселся на приготовленную для него лавку.

Передохнув, он приказал привести Клашу.

– Глазела?

Обхватив руками колени, сидел у насыпи рубленник и с замершим сердцем ждал, что скажет боярин.

Девушка заломила больно пальцы и хлюпко дышала.

Симеон ласково потрепал ее по плечу.

– Ежели бы другой господарь – не миновать тебе отцовою доли.

Его заплывшие глазки похотливо бегали по упруго колышущимся яблокам грудей.

– И порешил аз свободить тебя.

Глубокий вздох облегчения пронесся в толпе.

Князь помолчал, взбил пальцами бороду, точно стряхивал крошки после еды, и, облизнувшись, воркующе прожужжал:

– Острастки же для жалую тебя нагой кур в поле ловить!

Не успела Клаша вникнуть в смысл слов, как тиун содрал с нее рубаху.

– Гони! – И пронзительно свистнул.

Толпа ахнула и расступилась.

Стоявший на дозоре у тына спекулятор вытряхнул из короба стайку кур.

Батожник размахнулся с плеча и хлестнул девушку по голой спине.

Задыхаясь, падая и вновь вскакивая под нещадными ударами батогов, Клаша мчалась по полю.

Куры шарахались от нее, рвались из рук, зарывались в крапиву.

Покатываясь от хохота, следил за потехою Ряполовский. Наконец, последние силы оставили девушку. Она с разбегу упала лицом в бурьян да так и осталась лежать в беспамятстве, не чувствуя уже ни ударов, ни гневных окликов катов.

В сладостном томлении, Симеон отогнал катов и сам долго, зажмурившись, сек крапивою кровавое месиво взбухшей спины.

– В подклет, ко мне на двор, – подмигнул князь тиуну и, задыхаясь от усталости и неудовлетворенной похоти, опустил на траву передохнуть.

* * *

Ночью, с княжеского соизволения, потянулись людишки в город искать прокорма.

Васька с двумя товарищами-рубленниками поджидал их на дальнем лугу, за курганами.

Тешата с дюжиной своих бывших холопей залег на опушке, в байраке.

– Кой человек?! – грозно окликнул Тешата вышедшего из засады Ваську.

– Свой! – негромко ответил рубленник.

– А свой, выходит, и отдохнуть время пришло.

И развалился на влажной траве.

Осторожно, слово за словом, рубленники повели с холопами разговор о князе.

У каждого из толпы немало накопилось кручин и было о чем порассказать. Васька умело задавал самые острые вопросы, разжигал людишек и незаметно разжигался сам.

– А и не зря идут деревнями цельными в леса да на Волгу, – страстно кричал он в темную даль. – А и воля там вольная для холопей! А и не токмо господарей да спекулатарей – духу того нету в той вольности!

Толпа свирепела и зловеще грозилась в сторону вотчины.

– Отправить Симеона с бабой и отродьем к Онисиму на постой! Сжечь выводок волчий! Известить душегубов!

* * *

Во мгле крались людишки к боярским хоромам. По краям, зорко доглядывая за всеми, ползли холопы Тешаты.

У курганов Выводков заметил, как кто-то отстал и, скатившись кубарем под откос, исчез. «Язык!» – сообразил он и трижды слабо присвистнул.

Все сразу остановились.

– Язык! – повторил рубленник вслух. – Годите, покуль аз обернусь.

И исчез в безглазой мгле.

Тенью скользил Выводков к боярской усадьбе. Притаившись за тыном, он слышал, как язык требовал у сторожа немедленно вызвать тиуна.

Зажав в руке оскорд, Васька подполз вплотную к воротам.

Вскоре донесся до него голос тиуна. Язык увел холопа на улицу, подальше от сторожа.

– Како господарь нас с отцом примолвляет и землей жалует да прокормом, тако и мы ему верой послужим.

– Да ты сказывай!

– И сказываю. Рубленник Васька, что ставил хоромины да еще идола сотворил в той берлоге... Давеча князь еще обетовал идолом тем голову рубленнику прошибить...

– Тьфу, окаянный! Будешь ты сказывать?!

Тиун смачно выругался и схватил за ворот языка.

– Стрекочи!

– Да к тому аз... К делу всё, Антипушка.

И, прицыкивающим шепотком:

– Васька людишек подбил. Спалить норовят.

– Держите ж!

Выводков сорвался с земли и двумя могучими ударами ос-корда раздробил голову языку и Антипке.

Сторож высунулся за ворота, взгляделся в тьму и пошел спокойно вдоль тына.

Рубленник стремглав помчался к своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.